E 23
437

23
437
П-791

ИЗДАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЕ

ПРОЕКТ РЕФОРМЫ ПРАВОПИСАНИЯ

НАРКОМПРОС РСФСР—СЕКТОР НАУКИ

19 ОГИЗ 30

PUBLICATION OFFICIELLE

PROJET DE RÉFORME DE L'ORTHOGRAPHE

RECUEUIL

REDIGÉ PAR K. BARKHINE, G. KOSTENKO ET I. OUSTINOFF

MOSCOU 1930 LENINGRAD

Н-791
Е23434

СЕКТОР НАУКИ НАРКОМПРОСА РСФСР

ИЗДАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЕ

ПРОЕКТ
РЕФОРМЫ ПРАВОПИСАНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ К. БАРХИНА, Г. КОСТЕНКО и И. УСТИНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Введение 3

I. Орфография:

Общие принципы упрощения и упорядочения орфографии русского языка 9

Объяснительная записка к конкретным предложениям 1

Образец новейшего правописания 2

II. Пунктуация:

Свод правил об употреблении знаков препинания 2

III. Транскрипция иностранных слов и собственных слов и фамилий . . 3

Приложения:

Обзор предложений по реформе орфографии и пунктуации . . . 5

Предложение о замене “и“ на “i“ 6

Постановление Коллегии Наркомпроса 6

Состав Орфографической комиссии Сектора науки Наркомпроса . 6

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 28202 1964

Издательская часть НКП № 929

Главлит № А 71 849. ГИЗ № 40183 Тираж 3.000 экз.

Типолаборатория Коммунистического института журналистики.

ВВЕДЕНИЕ.

Реформа правописания всегда встречает яростное противодействие в имущественно-обеспеченных классах, которые кровно заинтересованы в сохранении за собой исключительной возможности (эта возможность дается долгими годами обучения) в полной мере владеть искусством устной и письменной речи. В современной капиталистической Европе и в Америке мы наблюдаем явление характернейшего противоречия: с одной стороны, господствующие классы общества заинтересованы в том, чтобы сохранить за собою преимущественное обладание письмом—этим ключом ко всей современной культуре; с другой стороны, развитие техники и усовершенствование орудий производства требуют для обращения с ними подготовленного, следовательно, грамотного рабочего.

Требование всеобщего начального обучения при сохранении старой, далеко отошедшей от жизни речи орфографии — одно из типичных противоречий капиталистического общества.

У нас до Октябрьской революции против упрощенного письма, против изгнания буквы «ять» стояло прежде всего духовенство. Синод запретил вводить новую орфографию 1917 года, как «несогласную со славянско-русской палеографией и славянскими корне-словами». За синодом шли все явно реакционные элементы общества. И теперь еще имеются противники реформы, которые в интимной переписке, «отводя душу», употребляют «ять».

Но реформа 1917 года остановилась на полдороге. Она не упростила нашей орфографии до предельной возможности. Ни широкие трудящиеся массы, ни школы, ни работники печати не были удовлетворены этой половинчатой реформой.

Реформа правописания—вопрос не простого сокращения времени, затрачиваемого на овладение грамотой. Реформа правописания—это вопрос скорейшего вовлечения миллионных масс в активную общественно-политическую жизнь и социалистическое строительство нашей страны. Культурно-политическая важность предстоящей реформы громадна.

Не менее велико ее хозяйственное значение. Устранение явных противоречий, ненужных условностей, унификация правил должны дать немалую экономию нашей полиграфической промышленности.

Несомненно, что реакционные элементы в нашей стране подымут вопль против реформы, ссылаясь на то, что эта реформа есть «насаждение неграмотности, разрушение литературного языка», но никакие вопли не должны остановить разрешения того вопроса, который поставила широкая советская общественность перед Наркомпросом.

Характерной особенностью современного орфографического фронта является то, что он открыт не отдельными лицами, как было во времена Грота, Стоюнина и др., а всей советской общественностью: прессой, комсомолом, учительством, работниками печати и др.

Поскольку вопрос о реформе правописания был поднят общественностью, нельзя было его решать кабинетным путем, поручив разработать проект реформы тому или иному специалисту. Сектор науки

пошел по пути создания авторитетной комиссии, куда вошли как представители ученых учреждений — Комакадемии, 1 МГУ, 2 МГУ, Ин-та народов Востока, РАНИОНа, Ин-та методов школьной работы, так и практических работников комвузов, рабфаков, рабочих курсов, работников печати и др. И задача созданной при Секторе науки Наркомпроса орфографической подкомиссии состояла не только в том, чтобы изобрести какой-либо новый четырехсотый или пятисотый проект новой орфографии, а в том, чтобы изучить все предложения, идущие как от отдельных лиц, так и от целых коллективов. Надо было прежде всего соединить в одно целое все наиболее ценные предложения, изучить, в какой мере то или иное предложение облегчит усвоение навыков грамотного письма, изучить количество встречающихся ошибок против того или иного правила. Уже одно это потребовало от комиссии огромного количества времени.

Говоря о реформе орфографии, необходимо раньше всего подчеркнуть, что орфография — не сущность, не «тело» языка, а только «одежда», иногда устарелая и неудобная. Орфография — система условно принятых правящим классом для себя правил письма, в которых доныне единый принцип не выдержан до конца, сильно влияние церковно-славянского языка вместо живого, и которые являются вследствие своей трудности и удаленности от устной речи значительным препятствием к овладению культурой рабоче-крестьянскими массами. Благоговение перед буквой, своеобразный фетишизм буквы должен быть отброшен. Поэтому всякие «разговоры» о том, что реформа орфографии несет с собой разрушение русского литературного языка, — по Тургеневу — «свободного и могучего», — есть не что иное, как пустая болтовня.

Кроме письменного «наряда», язык имеет звуковой облик. Наша орфография приурочена к общерусскому литературному языку и должна передавать его звуковую систему (так называемый фонетический принцип). Отсюда задача реформы—приблизить начертание слов к их звучанию. В русском словаре больше половины всех слов имеют звуковой состав, вполне совпадающий с буквенным. Это «вполне» следует понимать в смысле начертаний, делаемых лишь для практического применения. Научная транскрипция этих слов была бы, конечно, куда сложнее обыкновенного литературного письма. В то время, как научная транскрипция стремится с величайшей точностью и последовательностью обозначать не только все звуки, но даже все оттенки звуков данного языка, литературное письмо не всегда может иметь в виду эту цель и обыкновенно жертвует научным совершенством в передаче устной речи для удобства и легкости в практическом применении.

Язык изменяется в живой речи говорящего ежедневно и даже ежечасно, орфография же реформируется в «кои-то веки». Но реформировать ее все-таки надо и непременно в плане приближения к живой речи. Иначе постепенно образующееся расхождение между речью и письмом достигло бы таких размеров, что эти две системы перестали бы узнавать друг друга. Требование максимального приближения письма к живой речи было еще сформулировано Ломоно-

совым в его «Рассейской грамматике». «В правописании,—пишет он,—наблюдать надлежит: 1) чтобы оно не отходило далече от главных российских диалектов; 2) чтобы не удалялось много от чистого выговора».

Не значит ли это, что, выставляя такое положение, мы отдаем орфографию во власть сплошного фонетизма? Нет, требование «пиши, как говоришь» представляется в такой же мере странным, как и обратная формула «говори, как пишешь». Индивидуальной орфографии быть не может. Необходимым коррективом к фонетизму, взаимодействующим с ним фактором, удерживающим письмо от окончательного распадения, является морфологическое начало. Оно должно сделать текст удобочитаемым и тем самым обеспечить третью поставленную задачу. Письмо существует преимущественно для глаза. Быстрое осмысление текста невозможно, если у нас нет предварительного зрительного образа слова во всех его формах словоизменения и словообразования.

Вопрос о принципах не в механическом подчинении орфографии фонетическому или морфологическому началу, но в границах применения каждого из них, в правильном их взаимодействии.

Все, что стоит в противоречии с этим основным принципом, должно быть ликвидировано.

Если необходимость реформы русского правописания сознается всеми (или почти всеми), то далеко не все сходятся на вопросе, в какой степени надо реформировать его, до какого предела проводить новую реформу.

Одни предложения клонятся к тому, что «дескать, наша орфография и так хороша, нужно, мол, ее немного лишь «упорядочить». Другие требовали, как, напр., М. В. Ушаков, Полиновский и др., радикальной реформы (см. «Обзор предложений»). Работа орфографической подкомиссии, да и все последующие пленарные заседания комиссии при Секторе науки, диспуты, конференции в центре и на местах—показали, что советская общественность против минимализма и против максимализма. Особенно вреден в настоящий период максимализм, так как он несет с собой неисчислимые трудности при обучении орфографии, т.-е. идет против того, ради чего проводится вся реформа—упрощение правописания. Все конкретные предложения орфографической подкомиссии идут по линии устранения явных несуразностей и противоречий, а не по линии радикальной ломки.

Если и у нас и на Западе время от времени собирались комиссии для разрешения связанных с орфографией вопросов и предпринимались даже известные реформы (правда, робкие, половинчатые), то пунктуацией (знаками препинания) не занимались нигде и никогда ни одна академия, ни один исследовательский институт, ни один съезд педагогов. Комиссия по реформе пунктуации, созданная Сектором науки Наркомпроса, — первая по времени и пока единственная в мире. Ей приходилось итти по еще не проторенным путям.

Нелогичность, царящая в русском своде правил о знаках препинания, проявляется не в меньшей степени и в пунктуации немецкой, французской, английской, итальянской, испанской (не говорим уже о восточной, например, турецкой). До сих пор нет ни одной серьезной научной работы, посвященной проблемам пунктуации. Пунктуа-

ция не имеет пока продуманной теории, и вся эта область огромного практического значения была создана составителями школьных пособий. Не только наши учащиеся затрудняются в разрешении, скажем, вопроса, где нужно ставить точку с запятой и где—точку, но и большие писатели с чутьем языка, с литературной эрудицией чувствовали себя в этом отношении совершенно беспомощными (Лермонтов, Герцен, Тургенев, Л. Н. Толстой).

По существу знак препинания есть очень ценное и ничем другим незаменимое графическое средство общения пишущего с читающим: он помогает при чтении быстрее разобраться в абзаце, указывая различные грамматические и смысловые отношения между его частями и давая эмоциональную окраску фразе. Знаки препинания дают возможность читателю произнести при громком чтении фразу так, как звучала она для автора, и еще большее значение имеют они при чтении молчаливом (при чтении «про себя»,—«оптическом чтении»)—самом распространенном теперь виде работы с газетой и книгой. История знаков препинания показывает нам, что они явились в результате стремления сделать для читателя текст наиболее легко обозримым и синтаксически наиболее правильно расчлененным. Современные жизненные условия более настоятельно, чем когда-либо, требуют от нас как раз быстрого овладения произведениями книжно-газетной культуры.

До сих пор у нас не было системы пунктуации. Были правила пунктуации (очень сбивчивые и противоречивые), была пунктуационная практика, развивающаяся не по школьным правилам расстановки знаков препинания, а часто вопреки этим правилам. Подкомиссия по реформе пунктуации, работающая при Секторе науки, сделала попытку создать именно пунктуационную систему, в основу которой положено значение знаков препинания, как средства известного выражения смысла речи, т.-е. положен момент социальной значимости.

При составлении пунктуационного свода подкомиссия поставила себе, между прочим, и такую цель: устранить из нашей пунктуации все те знаки, которые являются в ней лишними; так, выработанный подкомиссией проект отказывается от запятой при союзах, соединяющих однородные члены предложения; отказывается он и от запятой при сравнительных союзах, если при помощи этих сравнительных союзов присоединяется неполное предложение, от запятой при междометиях, при одиночных деепричастиях и т. д. Данный проект вносит значительную экономию в употребление знаков препинания.

Основная цель проекта по пунктуации—путем продуманной системы положить конец наблюдавшемуся у нас пунктуационному разброду, который заставлял некоторые издательства и даже отдельных авторов придумывать свои собственные пунктуационные законы.

В поле зрения орфографической подкомиссии стоял также вопрос о транскрипции иностранных слов и собственных имен и фамилий. Этот вопрос чрезвычайно актуален для огромной категории работников. А между тем передача иностранных слов в русском языке не урегулирована никакими правилами. Установление твердых правил устранит ту неразбериху, которая имеет место в настоящее время.

I. ОРФОГРАФИЯ.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ УПРОЩЕНИЯ И УПОРЯДОЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ РУССКОГО ЯЗЫКА.

1. Реформа русского правописания 1917 года не использовала всех средств в деле упрощения и упорядочения правописания. Трудящиеся массы, учительство, работники печати не были удовлетворены половинчатой реформой 1917 года. Огромное количество резолюций всевозможных учительских съездов, конференций и совещаний, журнальные и газетные статьи о необходимости дальнейшего упрощения правописания, появление многочисленных технико-орфографических справочников (например, газеты «Правда», Госиздата, акц. об-ва «Советская энциклопедия» и др.), введших в практику двойную грамотность (по издательским справочникам и официальную)—красноречиво свидетельствуют об этой неудовлетворенности и попытках советской общественности вмешаться в дело упорядочения и упрощения правописания.

2. Широкая советская общественность—комсомол, пролетарское студенчество, учительство, работники печати, нацменработники и т. д.—внесли сотни ценных предложений и проектов в Сектор науки по дальнейшему упрощению и упорядочению орфографии. И задача орфографической подкомиссии, организованной при Секторе науки Наркомпроса, заключалась не столько в создании новых проектов, сколько в изучении, систематизировании и сведении в одно целое наиболее ценных предложений, идущих от отдельных представителей и коллективов советской общественности.

3. Дальнейшее упрощение и упорядочение орфографии необходимо еще и потому, что в Советском Союзе обучением охвачено не только подрастающее поколение, но и широчайшие слои взрослого населения. Упрощение орфографии сократит сроки ликвидации неграмотности и малограмотности, что поведет к максимальному вовлечению многомиллионных масс трудящихся в активную общественно-политическую жизнь страны и в социалистическое строительство. Таким образом, вопрос об упрощении и упорядочении орфографии не узко академический или профессиональный, но диктуемая совершенно новыми социальными условиями классовая и политическая проблема.

4. Октябрьская революция широко открыла двери в школы, техникумы, вузы и втузы всем национальностям, входящим в РСФСР. Для этой категории учащихся преодоление современного русского правописания является тормозом, задерживающим культурно-отсталые национальности в их культурно-просветительной работе. Кроме того, русский язык изучается не только в национальных школах нашей республики, он изучается и в рабочих школах стран Запада и Востока. Русский язык со времени Октябрьской революции вышел на широкую международную арену. Отсюда—долг каждого ученого лингвиста, педагога, работника печати всячески облегчить пролетариату Запада и Востока усвоение русского языка и через это предоставить возможность знать о достижениях страны строящегося социализма непосредственно из первоисточников, а не из информации буржуазной прессы.

5. Упрощение и упорядочение орфографии даст несомненный производственный эффект (сбережение времени и энергии) не только в работе школ всех типов и ступеней, но и в полиграфической промышленности. С устранением явных противоречий и ненужных условностей в орфографии, с урегулированием и унификацией нашего письма, мы освободим нашу полиграфическую промышленность от излишних непроизводительных расходов (разнобой в корректорской правке, стеснительные правила переноса слов, замедляющие набор, излишний расход бумаги и др.).

6. В своей работе орфографическая подкомиссия руководилась, с одной стороны, стремлением облегчить усвоение русского правописания, с другой—основными принципами, которые заложены в русском правописании. В основу предложений орфографической подкомиссии положены фонетический и морфологический принципы в их органической связи с неизбежным уклоном в сторону фонетики и приближения письма к действительно общим установившимся нормам русского литературного произношения, поскольку, конечно, в нем отстоялись определенные социальные нормы (чего, напр., нет в случае с безударными гласными) и поскольку фонетизация письма не разрушала живой морфологической ассоциации (вада, но во́ды). Разумеется, решающим моментом в выборе того или иного пути упрощения в конце концов являлся принцип общественной целесообразности.

7. Одним из следствий реформированного письма должно быть единство и общеобязательность орфографической системы для всех составителей учебников, наборщиков, учителей, а также для всех грамотных граждан Советского Союза. Отступления от установленных правил и так называемые «исключения» в новом правописании должны быть сведены к минимуму.

8. После проведения реформы орфографическая подкомиссия считает совершенно необходимым издание государственного орфографического свода правил и справочного словаря, в которых в особенности нуждаются школа и печать.

9. Орфографическая подкомиссия полагает, что реформированное правописание значительно облегчит усвоение грамоты, откроет большие возможности для скорейшего повышения культурного уровня трудящихся масс нашего Союза. В эпоху реконструкции всего народного хозяйства на базе индустриализации и коллективизации, в эпоху необычайного культурного подъема трудящихся масс вопрос о сокращении времени, затрачиваемого на овладение техническими навыками грамотного письма, приобретает исключительное и уже не техническое, но и политическое значение. Таким образом, эта реформа перерастает в крупный революционный акт в свете стоящих перед нами задач по ликвидации неграмотности и малограмотности. Грамота нужна миллионным массам трудящихся Советского Союза не как цель, а как средство в кратчайший срок приобщиться к активному участию в политической, хозяйственной и культурной жизни нашего Союза.

КОНКРЕТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ПОДКОМИССИЕЙ.

1. **Установить в качестве отделительного знака только один, именно букву Ь. Писать: сьезд, обьявление, субьект, конъюнктура, трехъярусный, пью, шью, ружье.**

Отделительный знак показывает, что при чтении не надо сливать согласную с гласной в один слог. В качестве отделительных знаков у нас теперь употребляются два: **ъ** и **ь**, а если, кроме этих двух узаконенных, считать еще неузаконенный апостроф (’), то—три. Именно, пишут: 1) после приставок, своих и иностранных, и в сложных словах—**ъ** (или апостроф): объект, субъект, конъюнктура; 2) в остальных случаях—**ь**: пью, осенью, семья, шью, ружье, чья, волчья. Необходимо иметь в виду, что ни буква **ь**, которая в других случаях служит у нас знаком мягкости, ни **ъ**, которую мы по традициям считаем «твердым знаком», уже не должны обозначать ни твердости, ни мягкости в тех случаях, когда они служат отделительными знаками. Это ясно видно из того, что **ь** пишется в отделительном значении не только после согласных, которые могут быть мягкими (лью, семья), но и после **ж** и **ш**, которые всегда тверды (шью, ружье).

Существование нескольких знаков для одной и той же цели усложняет усвоение правописания. Поэтому во многих проектах, бывших в распоряжении подкомиссии, высказано пожелание оставить один какой-нибудь отделительный знак. Из всех возможностей подкомиссия выбрала букву **ь** на следующих основаниях:

Едва ли можно найти серьезные основания для введения в качестве единого отделительного знака буквы **ъ**, т.-е. распространить ее употребление и на такие случаи, как: пъю, осенъю, шъю и т. д.

Апостроф не был узаконен ни постановлением 11 мая 1917 года, ни обоими декретами советской власти (1917 и 1918). Однако он вошел в практику еще задолго до 1917 года и продолжает самочинно употребляться и теперь наряду с **ъ**. При выборе его пришлось бы распространить его при употреблении и внутри слов: п’ю, осен’ю, ш’ю, руж’е. Это очень изменило бы внешний вид нашего письма и печати, а стало быть затруднило бы чтение.

Кроме того, апостроф неудобен тем, что требует отрыва руки при письме, что замедляет процесс писания. Далее, слово, написанное с апострофом, представляется на вид как бы разорванным на две части, что невыгодно при беглом чтении и беглом письме. Невыгодно и то, что этот знак должен ставиться вверху, над строкой, а не на строке; поставленный же на строке, как это делают иногда малограмотные, он не отличается от запятой.

Сделанное в некоторых проектах предложение о замене здесь буквы **ъ** черточкой (с-езд, об-явить) нельзя принять, так как этот знак имеет в нашем правописании свое иное, определенное значение.

Что касается буквы **ь**, то, если она в середине слов выполняет роль отделительного знака независимо от твердости или мягкости предшествующей согласной,—она вполне может выполнить эту роль и в приставках и сложных словах, тоже независимо от твердого или

мягкого произношения (а мягкое произношение согласной в приставках свойственно живому московскому произношению, факт, который сам по себе для подкомиссии не служил аргументом в пользу **ь**).

Следует прибавить, что **ь** в качестве единого отделительного знака предлагался в первоначальном проекте упрощения правописания 1901 года и в предварительном сообщении орфографической подкомиссии при Академии Наук в 1904 году, а ее же постановлениями в 1912 году был оставлен для приставок **ъ**.

Примечание: Предложение подкомиссии не должно затрагивать правописания приставок в тех случаях, когда не нужен и где и сейчас не пишется отделительный знак (ь), т.-е. следует продолжать писать: подотдел, сузить, сэкономить, сыграть, розыгрыш, небезынтересно и т. д.

Из других предложений по этому пункту обсуждалось еще следующее: «Оставить букву **ь** только в роли мягкого знака, поэтому писать **j** или **й** как в случае отделительности, о котором идет речь в этом пункте: обjавить и т. п., а также и вообще писать вместо букв я, ю в начале слов и после гласной: jа, jу—jаблоко, моjа, jуг, моjу (но после согласной остаются я, ю—сядь, люди). Это предложение совещанием отвергнуто потому, что оно связано с введением нового знака в алфавите и с крупным изменением всего облика письма, а также с необходимостью установления труднейших написаний jэ или йэ, различения—jо и jэ: сjожился, сjэсть и т. д.

2. **Не писать Ь после шипящих в следующих грамматических категориях: доч, вещ, рож, навзнич, настеж, сплош, стричся, стрич, реж, режте, еш, еште, моеш, моешся.**

Таким образом, **ь** после шипящих предлагается не писать нигде, кроме таких случаев, где **ь** является отделительным знаком (см. п. 1).

Здесь имеются в виду пять категорий случаев, где **ь** является не знаком мягкости и не отделительным знаком, а условным признаком формы слова, так сказать, «грамматическим сигналом», а именно:

1) имена существительные жен. рода, так наз. третьего склонения, которые в отличие от слов муж. рода второго склонения (врач, лещ, сторож, ерш) пишутся с **ь** на конце;
2) повелительное наклонение;
3) 2-е лицо ед. ч. глаголов;
4) неопределенная форма глагола;
5) наречия.

Во всех этих случаях буква **ь** пишется после шипящих и с произношением нисколько не связана: **ч** и **щ** всегда мягки, и отмечать их мягкость было бы поэтому бесполезно, а **ш** и **ж** всегда тверды, так что написание после них буквы **ь** даже противоречит произношению. Но не в этом главная причина желательности устранить здесь **ь**, а в том, что сохранение здесь этого «грамматического сигнала» (возникшего исторически) практически не представляет безусловной необходимости, между тем как усвоение правописания буквы **ь** в этих случаях нелегко и требует немало времени. С устранением буквы **ь** во всех этих случаях отпадает до девяти условных окончаний, которые необходимо было заучивать (считая во 2-м пункте три: плачь, плачься, плачьте, а в 3-м и 4-м по два: -шь, -шься, -чь, -чься).

Невыгоды от устранения этого внешнего показателя форм слова таковы: в 1-м случае утрачивается графическая связь слов типа н о ч ь со словами того же склонения, вроде к о с т ь; поскольку **ь** в н о ч ь ю поддерживается этой же буквой в н о ч ь, эта поддержка исчезает. Однако не надо упускать из виду, что эта поддержка случайная, так как **ь** в н о ч ь и в н о ч ь ю различны по своему значению (в первом—это признак, что слово женского рода, а во втором—это отделительный знак).

Во 2-м случае утрачивается графическое единство слов типа: п л а ч! р е ж! е ш! со словами: в с т а н ь! б р о с ь! и т. п.

В 3-м и 4-м случаях и этого малого ущерба не будет, так как в 3-м случае вся категория слов (2-е лицо ед. ч.) будет лишена своего признака, а в 4-м окончания слов данной категории (неопределенная форма глагола) и теперь неодинаковы: **ть, ти и чь,** и будет ли один из видов ее оканчиваться на **чь** или на **ч,** безразлично. Нужно прибавить, что и глаголов на **чь** очень немного.

Наконец, в 5-м случае, в наречиях, устранение **ь** приведет к единообразию, так как одни из наречий, оканчивающихся на шипящие, писались с **ь** на конце, а другие без него (напр., настежь и невтерпеж, уж), и, поскольку это различие ни с чем не связано, правописание наречий усваивалось простым заучиванием. Следует прибавить, что данное предложение было в первоначальном проекте 1901 года, пережило все стадии обсуждения в орфографической подкомиссии при Академии Наук и отпало в последний момент в Особом совещании 5 мая 1917 года.

3. **После Ж, Ч, Ш, Щ и Ц ударяемое О писать через букву О: пчолка, чорный, щоки, шолк, жорнов, жолтый, лжот, жоны, шол, шопот, облицовка,—но: пчела, чернеть, щека, желтеть, жена, шептать и т. д.**

В настоящее время твердо установилось введенное Гротом в 1885 г. правописание **о** под ударением и **е** без ударения в о к о н ч а н и я х с у щ е с т в и т е л ь н ы х и п р и л а г а т е л ь н ы х после шипящих и **ц:** межой, лапшой, свечой, пращой, овцой (но: кожей, крышей, тучей, рощей, улицей); гужом, карандашом, врачом, плющом, концом (но: сторожем, ландышем, вечем, товарищем, ситцем); щипцов (но: ситцев); лицо (но: рыльце); свежо, хорошо, горячо (но: похоже) и т. п. В глагольных же окончаниях и в суффиксах причастий (и отглагольных прилагательных) это правило не было введено: бережешь, течешь, испеченный. Введенное в одних случаях **о** под ударением стало на практике проникать и в другие аналогичные случаи и создало большую непоследовательность и многие колебания, причем наблюдается бóльшее тяготение к **о** после твердых **ж** и **ш,** чем после мягких **ч** и **щ,** т.-е.: лужок, горшок, но пишут и скачек, зрачек; медвежонок, но: галченок; душонка, книжонка, но: девченка, рученка; дружочек, горшочек, но: зрачечек, сучечек; грушовка, Чижов, ножовый, дешовый, но: бечевка, Сущево, парчевый, холщевый и т. п. В корнях слов Грот не установил правила, а только формулировал наиболее ходовые в это время приемы написаний, так: в открытых слогах—**о:** шопот, шорох, обжора, чопорный, трущоба, но: еще; в закрытых же слогах—**е:** жесткий, шелк, счет, четки, щетка, на чем, но: шов, чорт. Это, конечно, не устранило колебаний и привело к тому, что, с одной

стороны, стали писать **о** и в тех словах, где во времена Грота не писали, а с другой—продолжают писать **е** и в тех, где Грот как бы допускал **о**. Через всю историю нашего правописания с самого его начала идет постепенное вытеснение чуждых книжных написаний: **же, ше, ще, че, це** своими, диктуемыми произношением ударяемыми **жо, шо, що, чо, цо**. Правописание Грота—один из этапов на этом пути. Надо, наконец, установить здесь единообразие.

Предложение подкомиссии устраняет всякие колебания, где после шипящих и **ц** писать **о**, где **е**, основывая данное правило на произношении.

Оно распространяет последовательность чередования ударяемого **о** с неударяемыми **е** и на глаголы: подобно тому, как межой, кожей, ножом, мужем, купцов, ситцев, так и лжот—может.

С принятием этого предложения уменьшится количество неправильных произнесений, возникающих от неправильного прочтения в книге незнакомых слов, вроде а т л ё т вместо атлет (потому, что ё у нас не принято писать), а именно, если в незнакомом слове будет **е** после шипящей, то это будет значить, что его нельзя читать за **ё**, и мало знакомый с книжным языком не прочтет, например, т щ ё т н ы й вместо т щ е т н ы й.

Есть и некоторые невыгоды. Нарушится графическое единство основы в разных формах одного и того же слова или в близких словах: пчела—пчолы, пчолка; жена—жоны, жонка; щека—щоки, щочки; однако это есть и теперь: шопот—шептать и т. д.

Возникнут новые графические окончания в глаголах (новое спряжение на письме): кроме **ишь, ит, им** и **ешь, ет, ем, ете**, еще будет **ошь, от, ом, оте**. Однако таких глаголов немного: на **шошь** и т. д., на **цошь** и т. д., на **щошь** и т. д. нет ни одного, на **жошь** и т. д., повидимому, только три (лжош, бережош, стережош), на **чошь** и т. д. наберется несколько больше (течошь, влечошь, толчошь и др.). Не надо забывать к тому же, что чередование ударяемого **о** с неударяемым **е** после шипящих и **ц**, как выше указано, существует уже у нас в склонении, т.-е. со времен Грота возникли у нас новые разновидности склонения на письме (межой—кожей и т. п.).

Предлагаемое правило писать **жо, шо, що, цо** под ударением должно быть универсально, а потому словам т а н ц о в а т ь, г а р ц о в а т ь и ш п р и н ц о в а т ь надо вернуть их былое написание через **е**: т а н ц е в а т ь, г а р ц е в а т ь, ш п р и н ц е в а т ь, чтоб не было исключений: но: в ы т а н ц о в ы в а т ь, т а н ц о в щ и к, ш п р и н ц о в к а, подобно тому, как о б л и ц е в а т ь, но: о б л и ц о в к а, о б л и ц о в ы в а т ь.

Что касается истории этого пункта, то она с 1901 года была совершенно одинакова с историей пункта 2-го.

Примечание: В числе способов урегулировать употребление **о** и **е** после шипящих и **ц** предлагается и такой: писать ударяемое **о** только после твердых **ж, ш, ц**, а после **ч** и **щ** писать **е**. Это предложение основано на том, что звук **о** после мягких нешипящих мы передаем буквой **е**: мед, несем, и непоследовательно после **ч** и **щ**, раз они мягки, писать иначе. На этом принципе можно было бы ввести стройность и в соответствующий отдел нашего правописания, но только ценой отказа от установившихся уже написаний. Не только нужно было бы вернуться к догротовскому **черт, чепорный** и т. п., но и к догротов-

ским окончаниям: свечей (твор. ед.), плющем и т. п. при: межой, карандашом и т. п. В глаголах все-таки появилось бы **жот**: лжот, стережот, при **чет**: течет и т. п. Соответствие основ: щека—щеки (мн. ч.) осталось бы, но несоответствие: жена—жоны все-таки бы появилось.

4. **После Ж, Ш, Ц писать Ы вместо И: жырный, кожы, лежыт, шыть, нашы, соцыализм, революцыя, цырк, пишыте. Однако после ЖЖ и ЗЖ в случае их мягкого произношения писать И, напр.: «приезжий, дрожжи, жужжит, но: разжырел, разжылся.**

После **ж, ш** и **ц** пишем здесь **и** по традиции, причем после **ц** в своих словах пишем **ы**: концы, а в иностранных **и**: цирк, с колебаниями: ц ы ф р а и ц и ф р а.

Предложение подкомиссии устраняет условность в употреблении то **ы**, то **и** после **ц** и устанавливает написания **жы, шы, цы** согласно с произношением. Некоторые возражают против такого изменения, не видя в нем большой надобности, так как усвоение написания **и** после **ж** и **ш** будто бы не представляет большого затруднения, а произношению не мешает.

Однако, если на усвоение этого правила тратится время, то зачем тратить и это немногое время на усвоение исторического, противоречащего произношению приема письма. Далее, если правило о **жи, ши** просто, то этого же нелья сказать о гласной после **ц**.

Другие готовы были бы признать ценность предлагаемого написания **ы** после твердых **ж, ш, ц**, но только при том условии, если бы ввести последовательно написание букв **я, ю** после всегда мягких **ч** и **щ**. Однако это явления неоднородные: **ы** обозначает иной звук, чем **и**, а не только твердость согласной, буквы же **я, ю**—условное обозначение звуков **а** и **у** с предыдущим смягчением согласной. Звуки **ч** и **щ** всегда мягки и в особом обозначении смягчения не нуждаются.

Наконец, едва ли серьезным возражением следует признать указание на неизбежное появление непривычных написаний иностранных слов, вроде Ш ы л е р, Ш ы л ь о н, ж ы р о н д и с т ы и т. п.

5. **Удвоенные согласные писать лишь в следующих случаях:**

а) При встрече одинаковых букв в корнях и приставках (русских, а из иностранных в приставке «контр»): поддержка, оттепель, рассказ, контрреволюция, но: деревяный, соломеный, взволнованый, руский, Одеса, комисия, искуство, комунист, класовый, опозиция, Ана, тона, Мюлер.

б) В случае долгого Ж и С в корне: жужжать, ссора, а также в глаголах на ся: спасся, сроссся.

Общее направление эволюции правописания иностранных слов в русском письме—от двойной буквы к одной, что стоит в связи с произношением: по мере обрусения иностранного слова мы перестаем произносить двойную согласную (точнее, долгую согласную). Такова история произношения и правописания слов: литература, атака, адрес и мн. др. старых слов. Таково появляющееся на наших глазах произношение одной согласной в словах, где мы еще пишем две: коллектив, коммуна и мн. др. Подкомиссия полагает, что предлагаемое правило устранит колебания теперь и в будущем в правописании иностранных слов. Главным возражением является указание на такие иностранные слова, в которых мы упорно произносим двойную согласную, как: Анна, ванна, масса, сумма, касса, тонна, группа,

и т. д., и которые по общему правилу придется писать с одной согласной. Это соображение, однако, не может иметь решающего значения. Расхождение между звучанием слова и его обозначением—явление частое (пишем сердце, произносим серце).

Во всех других случаях такое расхождение усложняет орфографию. Этот же пункт облегчит усвоение орфографии и упразднит целый ряд существующих теперь сложнейших правил. Отсутствие удвоенной буквы на письме не помешает читающему произносить, где это нужно, двойной звук так же, как он на месте буквы **о** в слове в о д а произносит звук **а**.

В русских словах дело идет почти исключительно о двух **н** или одном **н** и опять-таки почти исключительно в окончаниях прилагательных и причастий. У нас есть тенденция произносить здесь двойное **н** тогда, когда перед ним ударяемая гласная, и одно **н**, когда перед ним гласная неударяемая, но правописание с этим не считается и основывается здесь на других принципах: два **н**, если **н** есть в основе соответствующего существительного с известными исключениями: д е р е в я н н ы й, о л о в я н н ы й, с т е к л я н н ы й, к которым нужно бы причислить еще и с о л о м е н н ы й, и к л ю к в е н н ы й, и др., кроме того, два **н** в причастиях в отличие от соответствующих прилагательных: раненый, но: израненный. Этими и подобными условностями в правописании **нн** и порождаемой ими трудностью усвоения и вызваны в учительской среде многочисленные пожелания упростить эти правила. Попытка упростить их, обосновывая их на принципе ударяемой или неударяемой предшествующей гласной, не привела к таким формулировкам, которые действительно были бы просты, так как приходится считаться с произношением, а в нем самом нет устойчивости.

Из других предложений по этому пункту обсуждалось еще следующее:

1) Двойные согласные в иностранных словах (и собственных именах) сохранять только в интервокальном положении (т.-е. между двумя гласными), после ударного слога: манна, касса, ванна,—но: инервация, катар и т. д.

2) В случае перемены положения согласного при склонении регулироваться по именительному падежу (род. п. м. ч. ванн, род. п. ед. ч. катара).

Такое предложение вносится во избежание ряда недоразумений: Анне—Ане (дат. п.), Вассин—Васин и т. д.

Однако это предложение вносит огромные осложнения: по пункту первому этого предложения следует писать удвоенную согласную не только в словах типа «ванна», «манна», где и слышится удвоенная согласная, но и в словах типа «комиссия», «профессия», «концессия» и в целом ряде других, где удвоенные согласные не слышатся или мало слышатся.

По пункту второму: удвоенные согласные пишутся не только в интервокальном положении, но и в конце слов, если слово в именительном пад. ед. ч. должно писаться через удвоенную согласную; наоборот, согласные, удовлетворяющие первому пункту, т.-е. интервокальные и с предшествующим ударением, не пишутся удвоенными, если в имен. пад. ед. ч. не пишется двух согласных. Далее, слова,

образованные от таких основ, должны были бы писаться без удвоенных согласных: масса, но: масивный; тонна, но: тонаж и т. п. Такое правило нисколько не упростило бы существующего правописания согласных и совещанием было отвергнуто. Итак, то радикальное предложение, которое заключается в данном пункте, вызвано пожеланиями возможно большего упрощения, идя даже на явное расхождение с произношением.

6. **В предложном падеже единственного числа имен существительных, оканчивающихся на ЬЕ, писать ЬЕ: в Поволжье, в ущелье, в ученье.**

В дореформенной орфографии в словах на **нье** в этом падеже допускалось двоякое окончание: в ученьѣ и в ученьи. С устранением **ятя**, для отличия от винительного падежа, предпочтительно стали употреблять окончание **ньи.** Окончание **ьи** отсюда стало переноситься и вообще в слова на **ье** (не только на **нье**): в ущельи, в Закавказьи, чего прежде не допускалось.

Необходимо установить единообразие.

Предпочесть единообразное окончание **ьи**, как отличающее предложный падеж от винительного, мешает ясно слышимое е в ударяемых случаях: в белье, в питье. Окончание **и** остается таким образом лишь для слов на **ие:** в учении, в здании, в сознании, как и в словах на **ия, ий:** в истории, о гении.

7. **Во всех существительных женского рода на НЯ в родительном падеже мн. числа надо писать Ь: дынь, яблонь, деревень, кухонь, басень, вишень, спаленъ, сотень, боень.**

В настоящее время не пишем **ь**, если перед **ня** стоит согласная или **й:** б а с е н, б о е н, за исключением трех слов: д е р е в е н ь, б а р ы ш е н ь, к у х о н ь. Предложенное правописание вводит единообразие и соответствует произношению.

8. а) **В окончании существительных с суффиксами, заключающими в себе ШК и Щ, писать А, если эти существительные мужского или женского рода, а если они среднего рода, то писать О или соответственно Е: бабушка, дедушка, хлебушка, ручишка, котишка, дворишка, ручища, котища, дворища, перышко, пальтишко, болотище.**

б) **В словах среднего рода вместо суффикса ИЩ писать ЕЦ: платьеце, именьеце, как ружьецо (т.-е. независимо от места ударения); вместо суффикса ЫШК писать УШК: перушко, солнушко, гнездушко.**

в) **В окончании слов мужского рода типа «запевала» писать А: запевала, кутила, громила, подавала и т. п.**

Все эти предложения имеют целью устранить колебания и ввести единообразие. Так, теперь пишут и «к о т и щ е» и «к о т и щ а», «г о р о д и ш к а» и «г о р о д и ш к о» и т. п. Правило писать **ушко** в словах мужского рода неодушевленных, а **ушка** одушевленных, с другой стороны, **ище** в словах муж. рода как одушевленных, так и неодушевленных—сбивчиво и едва ли не устарело: в живом языке мы едва ли не чаще склоняем к о т и щ е и г о р о д и ш к о по женскому склонению. Что касается **ецо** и **ище,** то первое пишется при ударении на конце, а второе при ударении не на конце; таким условным правилом в недавнее сравнительно время пытались устранить колебания (платьице и платьеце), но колебания продолжаются. Окончание **еце**

более подходит, как повторяющее первым своим **е** окончание того слова, от которого данное слово призведено (платье—платье-це). Слова з а п е в а л о и т. п. пишутся то с **о**, то с **а** на конце. Окончание **а** выбрано потому, что эти слова склоняются по женскому склонению, как воевода, староста, купчина, мужчина, Михайла, и внешний вид им свойственно иметь тот же, что и эти слова; окончание **о** естественно для слов среднего рода: мотовило, шило, покрывало, склоняющихся по другому склонению. Окончание **а** будет находиться в соответствии также и с устанавливаемыми едиными окончаниями **шка** и **ища** для слов мужского рода (при **шко** и **ище** для слов среднего рода).

Есть мнение, что введение единообразного написания во всех этих случаях будет выходить за пределы орфографии и посягает уже на язык, и потому следует писать г о р о д и ш к о или г о р о д и ш к а, б ы ч и щ е или б ы ч и щ а, смотря по тому, как говорящий скажет данное слово; если говорит: «вижу бычищу, вижу городишку», то писать б ы ч и щ а, г о р о д и ш к а; если же «вижу городишко, вижу бычище», то писать г о р о д и ш к о, б ы ч и щ е и т. д. Большинство совещания предпочло соображения орфографической подкомиссии, основанные на единообразии в написании.

9. **В родительном падеже единственного числа имен прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, писать окончания ОВО, ЕВО вместо ОГО, ЕГО: портново, доброво, синево, нововo, чево, всево, ево, идущево, ущедшево.**

Если в известной части русских говоров в этом окончании и произносится **г**, то в большинстве говоров и в литературном произношении здесь **в**. Написание с **г** условное, историческое. Введение в облегчит усвоение правописания, освободит учителя от неубедительных объяснений учащимся, почему нужно писать **го**, и устранит буквенное выговаривание **г**, что часто замечается у школьников и иногда так и остается, особенно при чтении, если учитель во-время не отучит.

Предложение это было и в первоначальном проекте 1901 года.

10. **В именительном и винительном падежах множ. числа прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, установить окончания ЫИ, ИИ, вместо ЫЕ, ИЕ: добрыи, синии, идущии, портныи, мастеровыи, животныи.**

Предлагаемое окончание соответствует принятому произношению и своим конечным **и** связывается с в о л ч ь и, н а ш и, с в о и, о д н и, а также и с существительными, имеющими в окончании этих падежей **и** (или **ы**), которое также легко ассоциируется с **и** (соседи, кони, пули, кости и т. д.).

Предложение было в проекте 1901 года.

11. **Все сложные прилагательные писать в одно слово без черточки: фабричнозаводской, сельскохозяйственный, бледнорозовый, трехаршинный, Московскоказанская ж. д., Нижневолжский.**

Приметы, по которым в настоящее время пытаются установить правило, какие сложные прилагательные писать вместе, а какие через черточку, спорны; поэтому в практике нет единообразия, необходимого главным образом для типографских работников.

12. **Личные окончания глаголов и окончания причастий настоящего времени, если на них нет ударения, писать единообразно: ИШЬ, ИТ, ИМ, ИТЕ, УТ (ЮТ), УЩИЙ, ЮЩИЙ, ИМЫЙ: делаишь и т. д.—делают, дышишь и т. д.—дышут, любишь и т. д.—любют, боришься и т. д.—борются; строишь и т. д.—строют; роишь и т. д.—роют; возишь и т. д.—возют; делаимый, дышущий, борющийся, строющийся, незабываимый.**

С принятием этого предложения совершенно отпадает надобность заучивать приметы, по которым следует относить глаголы к 1-му или 2-му спряжению. В глаголах с ударяемыми окончаниями ясно само собой по слуху, что писать: **ишь** или **ешь** и т. д., **ат (ят)** или **ут (ют)**, а неударяемые окончания во всех без различия глаголах будут писаться не условно, как теперь, а тоже по произношению. В самом деле, неударяемое **е** в литературном произношении звучит если не совсем как **и**, то во всяком случае ближе к **и**, чем к **е**; что же касается неударяемого окончания 3-го лица множ. числа, то в живом языке мы произносим г о н ю т, к о с ю т, п р о и з н о с ю т с я, с т о ю т, н е с т о ю щ и й, д ы ш у т, с л у ж у т, т.-е. в живом языке глаголы с неударяемыми окончаниями давно уже распределились по двум спряжениям совсем не так, как мы условно распределили их на письме.

Есть, конечно, хорошо грамотные люди, которые не только вполне правильно умеют писать неударяемые окончания в глаголах, но и научились их и выговаривать так, как они пишутся; однако это искусственно выработанное под влиянием буквы произношение всегда кажется манерным, и едва ли его следует поощрять.

Возражением против предложения может быть указание на то, что окончания **ешь** и т. д. без ударения даже и в московском произношении не вполне тождественны с **ишь** и т. д., хотя и очень близки к ним, и еще то соображение, что безударные **ешь** соотносительны с ударяемыми **ешь** и т. д., напр., в ы б е р е ш ь, б е р е ш ь, а новое предложение разрушает это соотношение.

13. **Наречия, состоящие из соединения предлогов с другими частями речи, писать в одно слово без черточки: налево, подряд, по-русски, постарому, помоему, вопервых, впору, а также слова: втечение, вследствие, впродолжение.**

Предложение имеет целью установить единообразие, которого теперь нет. Правило, позволяющее писать такие наречия по усмотрению в одно слово или врозь, введенное было постановлениями 11 мая 1917 года, бывшее в декрете советской власти 1917 года и не вошедшее в декрет 1918 года, нецелесообразно ни для школы, ни для печати.

14. а) **Писать НЕ с прилагательными и причастиями вместе также в том случае, когда при прилагательном или причастии стоят зависящие от них слова: эта болезнь ни для кого неопасна, нескошенная крестьянами трава, он ушел никем незамеченный, никому неприятно, никому неприятный, никуда негодный, никуда негодно, ни о чем незнающий, ни в чем дурном незамеченный.**

б) **В глаголах: не хватает, не достает согласно общему правилу НЕ следует писать отдельно.**

Примечание: При противоположении, выраженном или подразумеваемом, писать отдельно: я не счастлив, но и не несчастлив; это не скошенная, а сгнившая трава.

Усвоение правил, где писать **не** вместе, где отдельно, нелегко, потому что сложны и разнообразны сами относящиеся сюда факты языка (между прочим в силу того обстоятельства, что в русском языке одна и та же частица **не** служит и отдельным отрицанием и отрицательной частицей, входящей в состав слова, не так, как, например, в немецком языке, где первой цели служит nicht, а второй un). Однако в существующих правилах писать **не** вместе, когда слово обозначает самостоятельное понятие, писать **не** отдельно при выраженном или невыраженном противоположении—нет таких противоречий или условностей, устранение которых повело бы к упрощению правописания. Все попытки перестроить эти правила были отвергнуты подкомиссией, так как в результате не давали упрощения, а подчас приводили к еще большей сложности. Поэтому решено оставить существующие правила, устранив лишь одну указанную выше условность (писали: эта болезнь неопасна (или неопасная), но: эта болезнь никому не опасна (или «никому не опасная»); неопасная болезнь—никому не опасная болезнь; он ушел, никем не замеченный и т. п.).

Что касается нехватает и недостает, то в разное время их писали различно, то в одно слово, то в два. Достаточных оснований писать их в одно слово нет, при наличии употребления в языке тех же глаголов без **не:** мне хватает ста рублей на месяц; хлеба хватило на неделю; вот на такие выдумки ему достало ума, а на дело не достает.

в) **НИ употребляется только как усиливающая частичка.**

1) **При данном (или подразумеваемом) отрицании она усиливает отрицательный смысл, находясь при отдельном слове или при перечисляемых словах: ни косточкой нигде не мог я поживиться; казак не хочет отдохнуть ни в чистом поле, ни в дубраве, ни при опасной переправе; на улице ни зги (не видно); без проказ ни на час (не останется).**

2) **При утвердительном сказуемом она усиливает положительный смысл (в выражениях кто ни = всякий; куда ни = всюду; когда ни = всегда, как ни = всячески и т. д.): сколько ни бился, ничего не добился; куда ни посмотрю, повсюду рожь густая.**

Правописание частицы **ни** усваивается с большим трудом. Вряд ли найдется другой отдел орфографии, в котором было бы больше путаницы и неразберихи, чем в определении функций частицы **ни.** Разные авторы насчитывают до семи случаев ее употребления и больше.

Вот неполный перечень определений этой частицы, даваемых авторами: 1) частица, усиливающая утвердительный смысл; 2) частица, усиливающая отрицательный смысл; 3) перечисляющий союз при отрицании; 4) союз с отрицанием (= и + не); 5) часть подчинительного союза; 6) частица, выражающая неопределенность; 7) частица, употребляющаяся в особых выражениях («ни зги», «ни на

час» и др.). Новое правило дает точное определение роли этой частицы и оставляет только два случая ее употребления, случаи, которые не могут быть выражены при помощи какого-либо другого слова.

Небольшое затруднение представит только необходимость в нескольких выражениях определять, дано ли уже отрицание в сказуемом (иногда подразумеваемом). Если дано, то тогда при зависимом слове должна стоять частица **ни;** если же сказуемое стоит без отрицания, а отрицание находится при зависимом слове, тогда оно выражается словом **не.** Примеры: стала моя Матрена не пава, не ворона; сидит не жив, не мертв; не дождь, не снег; не в городе Богдан, не в селе Селифан; ушел ни с чем; остался не при чем (во всех этих случаях сказуемое утвердительное, а отрицание стоит при зависимом слове). Однако: ни зги (не видно), ни минуты свободной (нет), ни коз, ни овец (нет), ни в гору, ни под гору (нельзя проехать) и т. д. Здесь отрицание уже дано, а частичка **ни** только усиливает это отрицание.

15. а) **Приставки АНТИ, УЛЬТРА, КОНТР, ЭКС и т. п. писать вместе с последующими словами: антиалкогольный, ультрафиолетовый, контрреволюция и др.**

б) **ПОЛ в значении «половина» (т. е. в сочетании с род. пад. существительного) писать через дефис: пол-яблока, пол-лимона, пол-сотни, пол-часа, пол-магазина, пол-Европы, пол-Москвы; но: полдень, полночь.**

в) **Частицы БЫ, ЛИ, ЖЕ, ТО, НИБУДЬ, КОЕ, ТАКИ, КА и др. писать всегда с дефисом: кто-либо, дай-ка, кое-что, что-нибудь, видал-ли, хотел-бы, он-же молчал, что-бы ты ответил?**

Цель—установить единообразие, особенно важное для работников печати.

16. **Установить единое написание слов, в которых допускалось двоякое, напр., итти—идти, калач—колач, мачиха—мачеха, ватрушка—вотрушка, январский—январьский и мн. др.**

Едва ли возможны возражения по существу предложения:

17. а) **С большой буквы писать: 1) начало речи; 2) после точки, а также знаков вопроса и восклицания, заканчивающих фразу, после двоеточия, указывающего на перечисление, если члены этого перечисления состоят из цельных фраз, требующих каждая после себя точки; 3) собственные имена, отчества, фамилии и прозвища (без всяких исключений); 4) первое слово чужой речи после двоеточия; 5) первое слово в сложных собственных названиях: Союз советских социалистических республик, Совет народных комиссаров, Красная армия, Рязанский отдел народного образования.**

Примечание: Если в состав сложного собственного имени входит другое собственное имя, то это другое собственное вставное имя пишется так, как оно писалось бы взятое отдельно: **Нижний-Новгород, Соединенные штаты Северной Америки, Малая Кисловка, Большая Грузинская улица, Четвертая Тверская-Ямская, Большие Грузины.**

б) **С малой буквы пишутся: 1) все прилагательные, образованные от имен собственных: московские заводы, пушкинские стихи, ванькино письмо, гомерова эпоха; 2) все сокращенные слова, не являющиеся собственными именами: рик, вуз, окроно; 3) «вы», «ваш»,**

«вас»—во всех случаях; 4) названия должностей и титулов: комиссар, директор и др.

в) **В сокращенных словах, образованных из первых букв собственных слов, все буквы пишутся большими: СТО, ГИЗ, ВСНХ, СНК.**

Примечание: Падежные окончания в таких словах пишутся маленькими буквами без апострофа: ГИЗом.

Цель—упорядочить соответствующую практику и в частности устранить излишество в употреблении прописных букв, вызываемое между прочим представлением о прописной букве, как выразительнице уважения к предмету мысли, заключающемуся в данном слове. Прописная буква должна лишь отличать собственное имя от нарицательного.

18. **Писать в среднем роде ед. числа и в наречии «ВСЕ» с двумя точками на Ё в отличие от множ. числа все: всё для детей, все на работу, он всё спит.**

19. **Допустить свободный перенос слов, причем буквы «Ь» и «Й» не отделяются от предшествующей буквы: к-уст, ку-ст, кус-т, возраст, возра-ст, вой-на, ма-льчик, маль-чик.**

Предложение имеет в виду облегчить типографскую работу по набору особенно коротких строк, напр., газетных, а также машинопись.

Из других предложений по этому пункту обсуждалось следующее: переносить по слогам, причем в группе согласных слогораздел не связывать произвольными условностями (можно разделять **ск, ст, бл** и т. д., можно делить се-стра, сес-тра, сест-ра). Перенос по слогам облегчает чтение. Знакомство с разделением слова на слоги, уменье чувствовать эти слоги педагогически чрезвычайно важно. Свободный же перенос будет вредить этому.

20. **Не писать Ь в окончании неопределенной формы глаголов на ТЬСЯ: он хотел учится и т. д.**

Основание: трудность усвоения этого написания, не поддерживаемого произношением.

Возражение: устранение **ь** в этом окончании разобьет последовательность в соотношении форм на **ся (сь)** с формами без **ся:** мою—моюсь, моет—моется, мыл—мылся, мыла—мылась, пройти—пройтись, стричь—стричься, мыть—мыться. Если усвоение этого правила правописания нелегко, то сама работа по усвоению его представляет педагогическую ценность, так как связана с известной логической работой.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОТВЕРГНУТЫЕ ПОДКОМИССИЕЙ.

1. **В окончании прилагательных муж. рода писать ой, ей вместо ый, ий: доброй, синей.**

Основание: соответствие ударяемому окончанию: слепой (для **ей** только один случай в русском языке: сам-третей).

Возражение: **ой** и **ей** можно хорошо мотивировать: поскольку эти окончания исконно-русские, слышатся и теперь в окающих говорах, а **ый, ий** искусственно книжные, но практически эти последние не представляют никаких затруднений для усвоения; кроме того, с переходом на **ой, ей** формы имен. падежа муж. рода будут писаться одинаково с известными формами женского рода, и отказаться от укоренившегося написания, пусть искусственного по происхождению,

однако произношению не противоречащего,—написания, которое помогает диференцировать на письме одинаково звучащие различные формы, нерационально.

2. **Приставки из, воз, раз, без, чрез писать этимологически, т.-е. всегда с з.**

Основание: единообразие в правописании **из** с остальными приставками, пишущимися этимологически (сделать и спилить и т. д.).

Подкомиссия не нашла возможным принять это предложение, как противоречащее реформе 1917 г., не только оставившей за приставками **из, воз, низ, раз** фонетическое написание, но включившей в их число еще и приставки **без** и **чрез**, писавшиеся до того времени этимологически. Предложение было в первоначальном проекте 1901 г. и было потом отклонено между прочим на том основании, что тогда возникли бы затруднения, как писать случаи вроде восток, источник, где есть приставка, но она тесно срослась с корнем, т.-е. говорящими не осознается, как приставка.

3. **Приставку с писать фонетически, т.-е. перед звонкими писать з: зделать, збить, згореть.**

Основание: единообразие с приставками, кончающимися на **з** (из, низ и т. д.) и меняющими **з** на **с** перед глухими.

Возражение: нет необходимости умножать число приставок, пишущихся фонетически, т.-е. отрывать эту приставку от остальных (от, под и т. д.).

ОБРАЗЕЦ НОВЕЙШЕГО ПРАВОПИСАНИЯ.

Осенни впечатления в деревне.

Солнушко с каждым днем греит слабее, и небо все чаще и чаще покрываится облаками. В обнажоных лесах не услышыш уже веселово птичьево пения; в помертвелых лугах не полюбуишься пестрым разнообразием трав и цветов; с полей уже давно убрали рож и даже яровыи хлеба и повсюду, куда ни взгляниш, торчит лиш одна соломеная щетина. Из свинцовых туч беспрестано льется мелкий дождь и превращаит улицу в лужы, полныи чорной жыдкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищит в ветвях оголеных деревьев и заставляит легкии деревяныи ворота с визгом раскачиватся из стороны в сторону. Сквозь густой туман, который сплош застилаит деревню и ее окрестности, едва различиш ветхии избушки.

Вьезжаем в деревню. На улице—полнейшее безлюдье. Все прячутся, кто куда можыт, лиш бы укрытся от этово осенево ненастья. Продрогшыи куры приютились под навесом сараев, завернув голову под тепленькии крылушки. Воробьи забились в свои мягкии гнездушки. Угрюмыи дворняжки также свернулись комком и не выходют из-под сиротливо стоящих у плетня телег.

II. ПУНКТУАЦИЯ.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

1. Знаки препинания служат для того, чтобы облегчить в процессе социального общения пишущего с читающим первому—выражение своих мыслей и чувств, причем характер этого выражения определяется реальными условиями письменной речи, его социальной обстановкой, а второму—понимание написанного. Из этого следует, что каждый знак препинания должен иметь определенное значение и что значения знаков препинания должны совершенно одинаково пониматься как всеми пишущими, так и всеми читающими.

2. Основной единицей речи, применительно к которой составлены изложенные ниже правила, является фраза. Под фразой следует понимать слово или группу слов, имеющих законченный смысл.

Примечание: В устной речи эта законченность выражается одной из следующих интонаций: законченно-повествовательной, вопросительной и восклицательной. С грамматической стороны фраза может представлять собою а) предложение полное или неполное (Солнце светит. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Карету мне, карету!); б) сочетание предложений (так называемое "сложное предложение": Земля освежилась, и буря промчалась. Пошли слухи, что скоро будут опрашивать всех, кто был на пожаре); в) всякое изолированное слово (**Ага!** Знает кошка, чье мясо съела. **Ха-ха-ха!** Да кто же этому поверит? **Товарищи!** Наше дело правое. **Тираны мира**! Трепещите. А он успеет?—**Конечно**. Он будет там?—**Может быть**. Он приехал?—**Да. Нет.**).

3. Знаки препинания, стоящие в конце фразы, указывают на тот или иной смысл фразы в целом (повествовательный, восклицательный и т. д.); знаки, стоящие в середине фразы, указывают: а) на какие части распадается данная фраза; б) как относятся эти части по смыслу друг к другу.

4. В устной речи те же смысловые оттенки могут выражаться интонацией (повышением и понижением тона, замедлением и ускорением темпа, паузами). В этих случаях между знаками препинания и произношением может быть установлено соответствие, и потому для лиц, это соответствие улавливающих и помнящих, постановка части знаков препинания облегчается знанием того, как произносится данная фраза или часть ее. Но в виду того, что знаки препинания не всегда имеют соответствие в интонации, а также в виду того, что очень многие во время письма вовсе не прибегают к сопоставлению письменной речи с устной, данные правила построены не на интонационных признаках.

5. Смысловые оттенки, выражаемые знаками препинания, бывают двух родов. В одних случаях эти оттенки неразрывно связаны с определенными грамматическими средствами: формами слов, связями согласования, управления и примыкания, служебными словами, порядком слов или предложений. В этих случаях и правила формулируются строго грамматически (напр., «Деепричастие с зависящими от него словами отделяется от остальной части фразы запятой или запятыми»).

В других случаях эти оттенки только отчасти зависят от грамматической стороны речи. Так, напр., смысловая законченность (фраза)

может мыслиться и там, где немедленно за данными словами следуют союзы «и», «но» и др., т.-е. при условии грамматической незаконченности. Точно так же вопрос может мыслиться без помощи вопросительных частиц или местоимений (Ты был там?), недоговоренность при абсолютной полноте грамматического состава (В деревне осталась дочка Анисья... и про нее нужно поговорить). Поэтому соответствующие правила формулируются не грамматически, а непосредственно на основе смысловой стороны речи.

6. В русском письме употребляются: точка, восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие (три точки), двоеточие, точка с запятой, тире, скобки, кавычки, запятая и черточка (дефис).

Примечание: Тире, как знак сокращения слова, ряд точек (т. н. "отточие"), как знак пропуска слов, черта, как знак концовки, черточка, как знак переноса или присоединения к слову частицы, двоеточие, черта, запятая и скобки, как математические знаки, знаками препинания не являются.

Пояснение встречающихся в правилах пунктуации специальных понятий и терминов, а также указания относительно случаев применения правил будут даны в особой объяснительной записке.

ПРАВИЛА.

§ 1. О ТОЧКЕ.

Точка обозначает:

а) Конец спокойно-повествовательной фразы.

Примеры:

1) Извиваясь белой змеей, сползает клубящееся шоссе в гущу лесов. Тишина. Прохладные тени. Сквозь деревья—скалы (Серафимович).

2) Клим Самгин видел, что перед ним развернулась огромная, фантастическая, богатая страна, бытие которой он не подозревал (Горький).

3) Центральный Совет общества бессарабцев приветствует отказ Наркоминдела СССР от принятия ноты румынского правительства. Но вместе с тем Совет общества считает, что румынская нота, помимо формальной неприемлемости, не может и по существу вызвать ничего, кроме глубочайшего негодования ("Известия").

4) Озеро хорошее. Нынче синее, радостное. А когда с утра дыбом встанет Сердится и белой пеной отплевывается. А само серым станет. И всегда шумит (Сейфуллина).

б) Конец спокойно-повелительной фразы.

Примеры:

1) Листницкий неопределенно махнул рукой: —Читай дальше (Шолохов).

2) — Вернулся с походу—сразу не расседлывай,—поучал взводный,—пущай постоит, остынет. А как только расседлал, вытри ей спину ладошкой или сеном и перед тем, как седлать, тоже вытирай (Фадеев).

§ 2. О ВОПРОСИТЕЛЬНОМ ЗНАКЕ.

Вопросительный знак обозначет конец вопросительной фразы.

Примеры:

1) Знаете ли вы украинскую ночь? (Гоголь).

2) Разве нельзя выдумать что-нибудь забавнее? (Горький).

3) Ты? Ты прошел через кухню? Почему так поздно? Замерз? (Горький).

4) Знаете, что он мне вчера по секрету сказал? (Фадеев).

Примечание: О случаях, когда вопросительный знак обозначает конец повествовательно-вопросительной или повелительно-вопросительной фразы, см. § 5, п. I в.

§ 3. О ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОМ ЗНАКЕ.

Восклицательный знак обозначает конец восклицательной фразы.

Примеры:

1) Как хорошо! Вот сладкий плод ученья! (Пушкин).

2) Увы! Его смятенный ум против ужасных потрясений не устоял (Пушкин).

3) Эх! Пахать бы тебе, паря! (Вс. Иванов).

4) Обожди, письмо захватишь! (Фадеев).

5) Товарищи! Мы решили открыто заявить сегодня, кто мы, мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы (Горький).

6) Стихи мои, свидетели живые за мир пролитых слез! Родитесь вы в минуты роковые душевных гроз! (Некрасов).

§ 4. О МНОГОТОЧИИ.

Многоточие обозначает:

а) Недоговоренность речи (высказывания).

Примеры:

1) — Года через два-три мы перестанем думать об этих... Он хотел сказать "глупостях" или "пустяках", но удержался и сказал: — Так наивно... (Горький)

2) — Когда вы, Кутузов, поете, то кажется, что вы умеете и чувствовать, а... Кутузов не дал ей кончить фразу (Горький).

3) Кончаю! Страшно перечесть... Стыдом и страхом замираю... Но мне порукой ваша честь... (Пушкин).

4) Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом (Чехов).

б) Перерыв речи внутри фразы.

Примеры:

1) Потолкавшись по разным местам, я решился сделаться, наконец... не смейся, пожалуйста... деловым человеком, практическим (Тургенев).

2) Осталось пятнадцать... десять... пять шагов... Мы добежали, мы заворачиваем, мы... спасены (Серафимович).

§ 5. О ДВОЕТОЧИИ.

1. Двоеточие обозначает предупреждение о том, что в следующей за ним части фразы содержится:

а) два или несколько однородных членов.

Примеры:

1) Вкруг все дико: ель, сосна да мох седой (Майков).

2) В заседании принимали участие: два представителя профсоюзной организации, член райкома ВКП, член окружкома ВЛКСМ и представители крупнейших местных заводов.

Примечание: Для предупреждения о наличии в дальнейшей части фразы однородных членов чаще всего употребляется т. н. "обобщающее слово" ("все", "следующие", "разные", "такие" и т. п.); (см. пример 1).

б) Прямая речь.

Примеры:

1) Отец так и сказал перед смертью:—Ты, Мишка, за хозяина будешь (Некрасов).

2) Отчетливо звонко раздается голос Климина:—Товарищи коммунисты, говорить долго не о чем (Либединский).

3) — Идем, холодно,—сказал Макаров и угрюмо спросил:—Ты что молчишь? (Горький).

в) Вопрос.

Примеры:

1) Всю ночь я думал: кто бы это был? (Пушкин).

2) В общем все это было очень интересно, и хотелось понять: что объединяет этих столь разнообразных людей? (Горький).

3) Ну, говори: в котором году родился?

Примечание: Такая пунктуация обязательна только в том случае, если вторая часть фразы заключает в себе полный вопросительный смысл. При отсутствии такого смысла на месте двоеточия ставится запятая, а на месте вопросительного знака—тот знак, которого требует данная фраза.

Примеры:

1) Всю ночь я думал, кто бы это был.

2) В общем все это было очень интересно, и хотелось понять, что объединяет этих столь разнообразных людей.

3) Ну, говори, в котором году родился.

2. Двоеточие обозначает предупреждение о том, что следующая за ним часть фразы, не связанная с предыдущей союзом, заключает в себе разъяснение к предыдущей части.

Примеры:

1) Сообразив все, я вижу точно: вы правы и иначе поступить не могли (Тургенев).

2) От берега по направлению к пароходу быстро двигался красный огонек: это плыла таможенная лодка (Горький).

3) Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою (Пушкин).

4) Пегасов гораздо реже прежнего посещал Дарью Михайловну: Рудин давил его своим присутствием (Тургенев).

§ 6. О СКОБКАХ.

Скобки обозначают, что слово или группа слов, в них заключенные, являются чем-то добавочным по отношению к основному тексту и менее с ним связаны по смыслу, чем остальные его части.

Примечание: В тех случаях, когда часть заключаемого в скобки текста в свою очередь должна быть включена в скобки, следует употреблять скобки двух родов: прямые для всего текста [ ] и круглые ( ) для части текста.

Примеры:

1) Эти два героя, героя коллективных, таких давно необычных в нашей индивидуалистической, интеллигентской (хотя бы и революционной) литературе, даны в "Падении Даира" с необычайной яркостью (Горбачев).

2) Дутов (фамилия арестанта) отбыл, наконец, свой коротенький срок и вышел опять в линейный батальон (Достоевский).

3) От сильного движения Ермолая (он старался достать убитую птицу и всем телом налегал на край) наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте (Тургенев).

§ 7. О ЧЕРТОЧКЕ (ДЕФИС).

Черточка соединяет:

а) Приложение, тесно сливающееся по смыслу со своим определяемым.

Примеры:

1) Жена кормильца-мужа ждет, прижав к груди малюток-деток (Д. Бедный).

2) В комиссию необходимо ввести инженеров-специалистов по водным сооружениям.

3) Тупиков-воспитатель не лучше Тупикова-администратора (из газет).

Примечание: При этом черточка не ставится, если собственное имя стоит после нарицательного.

Пример:

Воспитатель Тупиков не лучше администратора Тупикова.

б) Два одинаковых слова, соединенных для усиления значения.

Примеры:

1) Ходишь-ходишь, молишь-молишь, иногда в три дня трех полушек не вымолишь (Пушкин).

2) Он поправляется, но еще едва-едва ходит по комнате.

в) Два количественных обозначения, выражающих оттенок приблизительности.

Примеры:

1) А ведь, признаться, есть средь кумушек моих таких кривляк пять-шесть (Крылов).

2) Куда торопиться? Поживи неделю-другую.

§ 8. О ЗАПЯТОЙ.

1. Запятая разделяет:

а) Однородные члены предложения, не соединенные союзами.

Примечание: Под термином "однородные члены", равно как и под всеми грамматическими терминами настоящих правил, обозначающими элементы предложения, кроме особо оговоренных случаев, разумеется не только слово, выполняющее данную роль, но и все другие слова, связанные и возглавляемые данным словом.

Примеры:

1) Левин приезжал в Москву всегда взволнованный, торопливый, немножко стесненный и раздраженный этой стесненностью (Л. Толстой).

2) Из домов выбегали люди без шапок, бледные, с застывшим на лицах ужасом.

б) Входящие в состав фразы предложения, между которыми не имеется сочинительных союзов.

1) Грабили нас грамотеи-десятники, секло начальство, давила нужда (Некрасов).

2) Бегали два паровоза маневровых, резко гудели свистки, отцеплялись вагоны, лязгали буфера (Неверов).

Примечание: Сочинительными союзами являются: **и, а, но, да, или, ли-ли, ни-ни, либо-либо, то-то, однако.**

в) Предложения, входящие в состав фразы, соединенные подчинительными союзами, союзными словами и вопросительными частицами при косвенном вопросе за исключением случаев, указанных в § 5, п. I в.

Примеры:

1) Когда пришло время, Морозку посадили в затхлый, пропахший онучами и клопами участок (Фадеев).
2) Разведки доносили, что к городу стягиваются крупные кавалерийские силы противника (Шолохов).
3) Ямщик, который вез его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала (Пушкин).
4) Он спрашивал, есть ли у меня родные (Л. Андреев).
5) Он пришел, несмотря на то, что его никто не звал.
6) Буржуазные ученые твердят о стабилизации капитализма, между тем как число безработных в капиталистических странах растет с каждым днем.

Примечание 1: Перед подчинительным союзом, следующим после другого союза, перед которым стоит какой-либо знак препинания, запятая не ставится.

Пример: Женщинам-руководительницам выдаются деньги, чтобы если нужно они могли поехать по железной дороге вместе с детьми (Федин).

Примечание 2: Сочетания со сравнительными союзами (как, чем, словно, что и т. п.) рассматриваются как отдельные предложения только при наличии в них сказуемого.

Пример: Как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова (Есенин).

Сочетание союза "чтобы" с неопределенной формой глагола не рассматривается как отдельное предложение. (Мы пришли чтобы выяснить ряд вопросов).

2. Запятая отделяет от остальной части (или частей) фразы:

а) Обращение.

Примеры:

1) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
2) Ты неси быстрей, кормилица, наши барки и плоты (Ширяевец).
3) Не будет ли каких приказаний, товарищ комбриг? (Либединский).
4) Отколе, умная, бредешь ты, голова? (Крылов).

б) Вводные выражения, состоящие из глагола или краткого прилагательного, при котором имеются существительное в именительном падеже или зависимые слова.

Примечание: Вводное слово или выражение отделяется запятой, если оно при отсутствии запятой может быть принято за член данного предложения.

Примеры:

1) Такие случаи, вы поймите, вовсе не подкрепляют вашего мнения.
2) Друзья и родные, снилось мне, давно позабыли нас.
3) Главное, дело-то было очень простое.
4) Все эти люди, говорят, с толком.
5) По его словам, судить о результатах еще невозможно.

в) Утвердительную и отрицательную частицу, например, "да" и "нет".

Примеры:

1) Да, жалок тот, в ком совесть нечиста (Пушкин).
2) Нет, не дряхлому Востоку покорить меня (Лермонтов).
3) Не пойду я на такое дело, нет!

г) Приложение, относящееся к местоименному существительному.

Примеры:

1) Обидно мне, старику, слушать этакие речи (Горький).
2) Воробей, он шустр на глаз (Романов).
3) Он очень мил, мой дядюшка-портняжка (Казин).

д) Приложение, стоящее после своего определяемого, если оно не соединено с последним черточкой (см. § 7, п. а).

Примеры:

1) Один мой знакомый, кондуктор, прислал письмо из Сибири.
2) По дороге бежали Ваня и Петя, сыновья Дарьи Михайловны (Тургенев).
3) По дороге бежали сыновья Дарьи Михайловны Ваня и Петя.

Примечание: Приложение, стоящее после своего определяемого и состоящее из одного только собственного имени, хотя бы и составного, запятыми не выделяется.

Пример: Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе (Пушкин).

е) Пояснительное слово или группу слов, уточняющих смысл предыдущего слова или выражения.

Примеры:

1) Каждый день, рано утром, дед будил мальчика (Горький).
2) Далеко впереди, во главе колонны, идут смешанные эскадроны (Серафимович).
3) На левом берегу паслись стада, а на правом, крутом, возвышался темный лес.
4) Один сын работал в совхозе, а другой, помоложе, жил в городе, на фабрике.

ж) Прилагательное, относящееся к местоименному существительному.

Примеры:

1) Море, море! Первое свиданье у меня, московского, с тобой (Казин).
2) Голодный, одинокий и потрясенный, я просидел час в пыльном вагоне (Вересаев).

з) Прилагательное вместе с относящимися к нему словами, если они стоят после своего определяемого.

Примеры:

1) Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади (Пушкин).
2) Чувство, близкое к восхищению, наполнило его до самых краев (Леонов).

и) Два или несколько прилагательных, если они стоят после своего определяемого.

Примеры:

1) Ее вопросы, громкие и ясные, как будто разбудили людей (Горький).

2) Столбы уходят вдаль, пустые, одинокие.

Примечание 1. Термин "прилагательное" обнимает собой в данных правилах также и причастия.

Примечание 2. Запятая в случаях, указанных в пп. з и и, не ставится, если прилагательное отделено от своего определяемого сказуемым.

Пример:

Городишко ему попался грязный и неприветливый.

к) Деепричастные обороты (деепричастие с зависящими словами).

1) Уходя от нас, Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз республик (Сталин).

2) Враги, перебегая от куста к кусту, с гиканием и визгом все ближе и ближе придвигались (Л. Толстой).

3) Башкирец с трудом шагнул через порог и, сняв высокую сьою шапку, остановился у дверей (Пушкин).

4) Нехватает духу двинуться, не дождавшись отставших колонн (Серафимович).

§ 9. О ТОЧКЕ С ЗАПЯТОЙ.

Точка с запятой разделяет:

а) Такие однородные члены предложения или группы их, которые слишком далеки по смыслу, чтобы не быть разделенными никаким знаком или быть разделенными только запятой, и среди которых есть хоть один член или группа, имеющие внутри себя запятую.

Примеры:

1) Перед промысловой кооперацией в области подготовки кадров стоит ряд самостоятельных задач: подготовка организаторов, администраторов и коммерческих работников системы; массовая переподготовка и повышение квалификации выборных работников низовки и промсоюзов; профессиональное обучение вовлекаемых в промкооперативные объединения бедняцких элементов села, безработных застойных категорий, местечковой бедноты и беспризорных-подростков. (Из газет).

2) Говоря о задачах колхозов, тов. Молотов прежде всего подробно останавливается на трех основных вопросах: 1) технической базе коллективизации (постройка тракторных заводов, заводов-комбайнов, вопросы электрификации сельского хозяйства); 2) на организации труда в колхозах (организация производства в колхозах); 3) на кадрах колхозников (борьба с неграмотностью, политической отсталостью и некультурностью масс). (Из газет).

б) Такие сочиненные предложения, которые слишком далеки по смыслу, чтобы не быть разделенными никаким знаком или быть разделенными только запятой.

Примеры:

1) Все большее количество товаров реализуется нами с помощью генеральных договоров с комиссионными фирмами, отдельных продаж крупным розничным предприятиям и универмагам; в отдельных случаях мы стоим перед открытием собственных розничных предприятий. (Из газет).

2) Ясеневский райисполком, например, намечая своим планом увеличение посевной площади, совершенно не предусмотрел увеличения посевов по линии

индивидуальных хозяйств; Вышневолоцкий же районный исполком взял такой крен в сторону индивидуальных хозяйств, что в своем плане отодвинул на второе место социалистический сектор сельского хозяйства. (Из газет).

3) Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, облака не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся; синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо.

§ 10. О КАВЫЧКАХ.

Кавычки отделяют от остальной части (или частей) фразы:

а) Цитаты.

Примеры:

1) Наш гениальный критик В. Г. Белинский писал одному из московских друзей о Некрасове: «Что за талант у этого человека и что за топор его талант» (Плеханов).

2) Сочетание двух слов посредством слова плюс — сочетание, которое любил употреблять Ленин: «А что такое это давление пролетариата плюс крестьянство на верхи общества?» (Ленин. Такт. 1905, стр. 11).

б) Чужую речь, не являющуюся в составе данной фразы самостоятельным предложением.

Примечание: Сюда же относятся и все те слова и группы слов, которые пишущий не приписывает какому-либо определенному лицу, но которые вместе с тем не желает выдавать за свои (слова с ироническим оттенком, новообразования и т. п.).

Примеры:

1) Пушкин не допускал, чтобы рабство могло пасть не «по манию царя» (из учебника).

2) Маша вспоминала «тихую и мирную» жизнь Спиридонихи, постоянные ссоры и драки с мужем, постоянную нужду—и смеялась про себя (Яковлев).

3) Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный», начал было его «тыкать» (Тургенев).

4) Буржуазная пресса в «доброе старое время» не касалась «святого святых»—внутреннего положения дел на частных фабриках, частных хозяйствах (Ленин).

в) Слово или группу слов, обозначающих условные названия неодушевленных предметов (книг, газет, обществ, гостиниц, пароходов и т. д.).

Примеры:

1) Вслед за «Матерью» Горький пишет «Лето», за «Летом» следует «Исповедь». (Из учебника).

2) Пролетарская газета «Правда»—вестница рассвета (Д. Бедный).

3) Наш цех в полном составе записался в общество «Долой неграмотность».

Примечание: В тех случаях, когда часть заключаемого в кавычки текста должна быть в свою очередь заключена в кавычки, следует или употреблять т. н. обыкновенные („ “) кавычки для всего текста и т. н. французские, или «елочки» (« ») или двойные обыкновенные для части текста.

Пример:

В одной из своих статей Фурманов утверждает, что «от первого рассказа “На льдине“ до последней прекрасной повести “Железный поток“ Серафимович—все тот же певец борьбы труда с капиталом, свободного строя с царством нищеты, насилия, эксплоатации».

индивидуальных хозяйств; Вышневолоцкий же районный исполком взял такой крен в сторону индивидуальных хозяйств, что в своем плане отодвинул на второе место социалистический сектор сельского хозяйства. (Из газет).

3) Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, облака не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся; синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо.

§ 10. О КАВЫЧКАХ.

Кавычки отделяют от остальной части (или частей) фразы:

а) Цитаты.

Примеры:

1) Наш гениальный критик В. Г. Белинский писал одному из московских друзей о Некрасове: «Что за талант у этого человека и что за топор его талант» (Плеханов).

2) Сочетание двух слов посредством слова плюс — сочетание, которое любил употреблять Ленин: «А что такое это давление пролетариата плюс крестьянство на верхи общества?» (Ленин. Такт. 1905, стр. 11).

б) Чужую речь, не являющуюся в составе данной фразы самостоятельным предложением.

Примечание: Сюда же относятся и все те слова и группы слов, которые пишущий не приписывает какому-либо определенному лицу, но которые вместе с тем не желает выдавать за свои (слова с ироническим оттенком, новообразования и т. п.).

Примеры:

1) Пушкин не допускал, чтобы рабство могло пасть не «по манию царя» (из учебника).

2) Маша вспоминала «тихую и мирную» жизнь Спиридонихи, постоянные ссоры и драки с мужем, постоянную нужду—и смеялась про себя (Яковлев).

3) Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный», начал было его «тыкать» (Тургенев).

4) Буржуазная пресса в «доброе старое время» не касалась «святого святых»—внутреннего положения дел на частных фабриках, частных хозяйствах (Ленин).

в) Слово или группу слов, обозначающих условные названия неодушевленных предметов (книг, газет, обществ, гостиниц, пароходов и т. д.).

Примеры:

1) Вслед за «Матерью» Горький пишет «Лето», за «Летом» следует «Исповедь». (Из учебника).

2) Пролетарская газета «Правда»—вестница рассвета (Д. Бедный).

3) Наш цех в полном составе записался в общество «Долой неграмотность».

Примечание: В тех случаях, когда часть заключаемого в кавычки текста должна быть в свою очередь заключена в кавычки, следует или употреблять т. н. обыкновенные („ “) кавычки для всего текста и т. н. французские, или «елочки» (« ») или двойные обыкновенные для части текста.

Пример:

В одной из своих статей Фурманов утверждает, что «от первого рассказа “На льдине“ до последней прекрасной повести “Железный поток“ Серафимович—все тот же певец борьбы труда с капиталом, свободного строя с царством нищеты, насилия, эксплоатации».

§ 11. О ТИРЕ.

1. а) Тире выделяет прямую речь за исключением случаев, где при прямой речи ставятся кавычки (см. § 10).

Примечания:

1) Тире не ставится в конце абзаца, если следующий абзац начинается также с тире.

2) При непосредственном переходе (в одном абзаце) от речи одного лица к речи другого ставится одно тире, а не два.

3) В драматических произведениях, где прямой речи предшествует имя или название говорящего, тире перед прямой речью не ставится.

Примеры:

1) — Ложись!—пробежало по цепи,—к бою! (Либединский).

2) — На баррикады! На баррикады!—звучал повсюду призыв могучий.

3) — Шлюзные инженеры работали. Теперь миллионы положи, не возьмешь.
— Пускай эти Ваньки попробуют, хе-хе!
— А слыхали? говорят, будто...
— Что вы, что вы! (Малышкин).

4) — Аксинья!—позвал он:—ты здесь, что ли?—Ну!—отозвалась она сердито (Чехов).

б) Однородные члены—от следующей за ними части фразы, содержащей в себе слово, которое объединяет по смыслу эти однородные члены.

1) Повозки с дровами и ранеными, казаки, артиллерия, пехота с ружьями, дровами на плечах—все с шумом и песнями пошли мимо нас (Л. Толстой).

2) Леса кораблей, контор редуты, машин и монет сверканье — и вся эта мельница на ходу зовется Великобритания (Тихонов).

2. Тире отделяет подлежащее от следующего за ним сказуемого, выраженного существительным в именительном падеже, при отсутствии глагольной связки.

Примечание 1. После подлежащих, выраженных личными местоименными существительными, тире не употребляется.

Примечание 2. Если между подлежащим и сказуемым имеется частица "это", то тире может быть только перед ней.

Примеры:

1) Бедность—не порок.
2) Жизнь прожить—не поле перейти.
3) Он человек смышленый (Лермонтов).
4) Партия—это голова класса (Бухарин).
5) Производительность труда—это самое главное для победы нового общественного строя (Ленин).

3. Тире разделяет два пространственных, временных и количественных обозначения, имея при этом смысл предлогов ОТ—ДО.

Примеры:

1) Весною в железнодорожный техникум будут приняты 120—130 учащихся.
2) Новое расписание поездов по линии Москва—Ленинград еще не составлено.
3) За трехлетие 1926—29 гг. качество наших краевых газет значительно улучшилось.

4. Тире разделяет два или несколько взаимно связанных собственных имен при отсутствии между ними предлогов или союзов (между, и и т. п.).

Примеры:

1) Матч Алехин—Капабланка.
2) Институт Маркса—Энгельса.

5. Тире обозначает ряд оттенков в смысле, которые при существующей системе пунктуации никакими другими знаками не могут быть обозначены. Такими оттенками могут быть: противопоставление, сопоставление, выделение или отделение чего-либо особенно веского или неожиданного, нарочитое отделение для избежания двусмысленности или нежелательного слияния с предыдущим или последующим и др.

Примечание: Тире ни в каком случае не может заменять запятой. Поэтому там, где требуется запятая и в то же время должен быть выражен один из вышеуказанных оттенков, следует ставить **запятую и тире.**

Примеры:

1) Помещик ширился,—мужик в хлеву теснился (Д. Бедный).
2) Скачет Андрон по улице,—чорт не чорт, казак не казак (Неверов).
3) Он был страшен в гробу, такой огромный и—слепой (Горький).
4) Вы об этом случае—никому ни словечка! (Горький).
5) Ходить—долго не могла.
6) Ходить долго—не могла.
7) Он лежал на спине, левая рука его была плотно прижата к груди, в правой, кинутой в сторону,—навсегда застыла рукоять нагана (Шолохов).

§ 12. О СОЧЕТАНИИ ЗНАКОВ.

1. В тех случаях, когда на основании изложенных в §§ 1—11 правил требуется постановка двух или более знаков,

а) запятая не употребляется, если она должна быть поставлена вместе с двоеточием или многоточием.

Примеры:

1) Андрей Иванович струсил: он принял его за чиновника от правительства (Гоголь)
2) Как не помнить, как не помнить—торопливо прервал он меня—дело прошлое... дело прошлое... (Тургенев).

б) Точка, точка с запятой, запятая и другие знаки могут ставиться как после закрывающей скобки, так и перед открывающей в зависимости от того, к какой части текста, предшествующей или последующей, относятся поставленные в скобках слова.

Примеры:

1) Казак был молод (лет двадцать можно было дать ему по виду), тороплив в движениях и особенно в жестах (Федин).
2) Самозванец (тихо). Куда завлек меня порыв досады! (Пушкин).
3) Молчите: вы, безумец, и ты, тигренок! Полно! (Сыну). Бросьте это, отдайте мне перчатку эту (отнимает ее) (Пушкин).

4) Кабанов (вздыхая, в сторону). Ах ты, господи! (Матери) Да смеем ли мы, маменька, подумать! (Островский).

5) Катерина.—Погуляем. А там... (Задумывается). (Островский).

в) Точка, вопросительный и восклицательный знаки и многоточие не употребляются после закрывающей скобки, если перед скобкой имеется один из перечисленных знаков.

Примеры:

1) Кабанова.—Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене, как жить-то без тебя. (Екатерина потупила глаза в землю) (Островский).

2) Хлестаков.—Непременно, непременно, я постараюсь (Купцы уходят. Слышен голос женщины:—Нет, ты не смеешь не допустить меня. Я на тебя пожалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!) (Гоголь).

3) Трудно сказать, кого следует больше винить за увеличение прогулов. (Администрацию? Завком? Партийную организацию?) (Из газет).

г) Слова автора, указывающие, кому принадлежит прямая речь, поставленные в середину ее, выделяются знаком тире, если они не содержат предупреждения о том, что дальше следует прямая речь, и знаком тире с одной стороны и двоеточием и тире с другой стороны, если они содержат указанное предупреждение. При этом, если в месте разрыва прямая речь имеет какой-нибудь знак препинания, за исключением точки, точки с запятой и двоеточия, то этот знак остается перед первым тире. Если в месте разрыва должны были стоять точка, точка с запятой или двоеточие, то вместо них ставится запятая.

Примеры:

1) — А как же,—спросил Старцов,—насчет часов?

2) — Идем, холодно,—сказал Макаров и угрюмо спросил:—Что ты молчишь? (Горький).

3) — Кури, Симкова,—предложил Стальмахов—да расскажи-ка, что ты в Москве хорошего видела (Либединский).

4)—Не хватай!—командовал Илья,—разве игра будет, коли вы все сразу растащите (Горький).

д) Слова автора, указывающие, кому принадлежит прямая речь, и поставленные в конце ее, отделяются от прямой речи знаком тире, причем если прямая речь имеет в конце вопросительный или восклицательный знак или многоточие, то эти знаки сохраняются и перед тире.

Примечание: Слова автора после прямой речи и продолжение прямой речи после слов автора пишутся с маленькой буквы.

Примеры:

1) — А назад когда вернемся?—спросил Сережка (Неверов).

2) — Варька, ставь самовар!—кричит хозяйка (Чехов).

3) — Н-да, братец ты мой, хорошо, нечего сказать...—не унимался дядя Хрящ,—как это ты десятника-то облаял (Куприн).

Примечание: В печатных текстах в конце заголовков точка может не ставиться.

Настоящий проект предусматривает отмену употребления запятой в следующих случаях:

1) между однородными членами предложения, соединенными союзами;

2) между входящими в состав фразы предложениями, соединенными сочинительными союзами (перечень союзов, которые здесь имеются в виду, в примечании к п. 6 § 8);

3) для выделения сочетаний со сравнительными союзами, если эти сочетания не имеют в своем составе сказуемого;

4) перед подчинительными союзами, следующими после другого союза, перед которыми имеется какой-нибудь знак препинания;

5) для выделения сочетания союза "чтобы" с неопределенной формой глагола;

6) для выделения вводных слов, если их нельзя принять за член данного предложения;

7) для отделений междометий;

8) для выделения обособленных групп слов, начинающихся со слов: **кроме, помимо, согласно** и т. п.

9) для отделения приложений, стоящих перед своими определяемыми (если последние не являются личными местоименными существительными);

10) для отделения прилагательных, стоящих перед своими определяемыми (если последние не являются личными местоименными существительными);

11) для выделения одиночных деепричастий.

III. ТРАНСКРИПЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И СОБСТВЕННЫХ СЛОВ И ФАМИЛИЙ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Вопрос о передаче иностранных слов как имен собственных, так и нарицательных в русском языке представляется особенно не урегулированным никакими правилами, хотя имеет уже свою длинную историю. Русский язык непрерывно обогащается иностранными словами и в особенности собственными именами, которые каждый передает по-своему. Благодаря этому создается часто путаница, от которой страдают и справочные издания, и библиотеки, и переводчики, и типографские работники, и все пользующиеся различными библиографическими справочниками, каталогами и энциклопедиями. В самом деле, на странице одной и той же газеты можно встретить написания известной английской фамилии Кешенден и как Кешендэн и Кашендун. Один и тот же автор появляется уже в виде Галсуорти, Гельсворти или Голсуорси; Бернс, Борнс или Бэрнс; Гюгс, Хьюз или Юз и т. п. Как выбраться из этого лабиринта библиотечному работнику, ищущему по запросу читателя произведения Бернса, когда оно стоит в каталоге под фамилией Борнса и Бэрнса, отделенное от первого тысячами других промежуточных карточек? Как найти всякому, обращающемуся к справочному изданию или энциклопедическому словарю, нужную фамилию, если она может оказаться в одном издании под буквой В (напр., Вильсон), в другом под У (Уилсон)? Как корректору, читающему переводный текст, установить, какое написание является более правильным, если в другой книге это же слово или фамилия переданы иначе? Должен ли врач писать название болезни ларингит или ляринги́т, лумбаго или люмба́го и т. д.? Эти пестрота и неопределенность особенно остро ощущаются теперь, когда печатание библиотечных карточек книжными палатами должно давать строго установленное написание иностранных имен и фамилий, для чего нет до сих пор никаких ясных критериев.

Учитывая все эти обстоятельства, специальная подкомиссия при Секторе науки подвергла весь этот вопрос обсуждению на основе тех данных, которые накопились у работников энциклопедий, библиотек и библиографических изданий, представителей печатного дела, и пришла к выводу о необходимости дать некоторые твердые правила, которыми надлежит руководствоваться при передаче иностранных имен и слов в русском языке. На основе этих правил даются и более детальные указания по отдельным языкам.

В своих принципиальных положениях подкомиссия учитывала существование большого количества слов и имен, укоренившихся в явно неправильном написании, как напр., В. Гюго, Юнг (англ. Young, т.-е. Ионг), и уже имеющих прочную традицию. Далее существование разнообразных написаний вроде вышеприведенных, из коих одно является более верным, чем другие, наконец, появление новых слов, не имеющих за собой вовсе никакой традиции. Считаясь с существованием прочной традиции, подкомиссия полагает, что этого рода слова и фамилии должны остаться в традиционном виде, хотя бы и неправильном. Для них будет составлен специальный слов-

ник. Все остальные случаи должны пойти по тем правилам, какие будут приняты, причем в случае колеблющихся написаний надлежит выбирать именно те, которые соответствуют этим правилам, т.-е., напр., только Бернс, но не Бэрнс или Барнс. Все же новые слова должны передаваться соответственно с установленными положениями, так как при случайном установлении традиции отдельными лицами возникает произвол и анархия.

Что касается общих соображений, то первым вопросом, подлежащим разрешению, является определение самого исходного пункта для установления транскрипции: исходить ли из произношения или из иностранного написания. Мы имеем оба случая в практике: сравнить хотя бы немецкие фамилии Гейне и Кайзер, где один и тот же звук дифтонга ai передан в русском написании двумя разными способами только потому, что он так передается в немецкой графике, и английские Юм и Юз, где передача основана только на произношении (при написании Hume, Hughes). Подкомиссия полагает, что правильным будет выбрать средний путь: исходить из произношения там, где традиционная графика самого иностранного имени слишком расходится с произношением, как в английском или французском языках, но не принимать во внимание графику там, где она играет роль некоторого связующего элемента с традиционным письмом и где фонетический принцип вызывает излишнюю сложность и необычность написания. Случаи применения того или другого принципа (т.-е. транскрипции или транслитерации) должны быть точно оговорены в правилах так, чтобы не возникало никаких недоразумений.

Вторым моментом, который предстоит также предварительно уяснить, является самый способ передачи иностранных звуков русскими буквами. Совершенно ясно, что русский алфавит не может выразить всех звуков иностранных языков, которые встречаются в последних и отсутствуют в русском; вспомним хотя бы английские, изображаемые знаками **a, u, w, th** или франц. **u, eu,** носовые звуки и т. д. Очевидно, что передача этих звуков может быть только приблизительная, и необходимо раз навсегда условиться, каким образом и какими приемами ее осуществлять. Но раз установив тот или иной прием, надлежит его выдерживать последовательно до конца, не смущаясь некоторой видимой его необычностью с точки зрения установившейся до сих пор традиции. Так, если согласный **й** в начале слов передается у нас знаками гласных букв **я, ю, е** (сравн. яма, юбка, ели), надлежит им пользоваться всюду и писать не только Яберг, Юнг, но и Егер, Еринг, а не Иегер, Иеринг. Точно так же, приняв, что иностранное **l** передается русским **л,** а не **ль** (за исключением особых случаев), следует всюду после него писать гласные **а, о, у,** а не **я, е, ю,** т.-е. Зола, а не Золя, Ласкер, Лушер, Лоти, ср. употребительные Блюменау, Люкс и т. п.

Что касается самого выбора знаков русского алфавита для передачи даже чуждых иностранных звуков, то здесь, как сказано, надо пойти на известную условность. При этом следует придерживаться лишь одного: передавать те или другие звуки возможно близкими по артикуляции звуками того же порядка, т.-е. гласные—гласными буквами, согласные—согласными. Дифтонги иностранных язы

ков следует передавать лучше сочетаниями гласных звуков, поскольку неслоговые их элементы удобнее изобразить гласными, а не согласными.

В данном проекте предлагаются положения о транскрипции звуков западно-европейских языков, являющихся основными поставщиками иностранных слов для русского, а передача восточных языков с латинских транскрипций, а также некоторые дополнения по другим языкам будут напечатаны в виде продолжения настоящего проекта.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПЕРЕДАЧЕ ЗВУКОВ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.

1. Долгота гласных, как бы она ни обозначалась, по-русски не передается.

Голл. Groot—Грот, нем. Dehmel—Демель, мадьярск. Illés—Иллеш

2. Е передается через «Э» только в начале слов и в середине после гласного; во всех остальных случаях—через «е» (после й—всегда «е»).

Эрхард, Оуэн, Суэц, Бауэр, диэта; но Чемберлен, Доде, Мейер.

3. Гласный ö передается в иностранных собственных именах через ё, если оно стоит внутри или в конце слова, в начале слов через Э. Звук ü всюду передается через Ю.

Немецкий	Goethe	—Гёте	Bürger	—Бюргер
	Böhlau	—Бёлау	Krueger	—Крюгер
	Foerster	—Фёрстер	Rückert	—Рюкерт
	Gröber	—Грёбер	Mühlbach	—Мюлбах
	Oehmann	—Эман	Oehlke	—Элке
	Oertel	—Эртел		

Также Юманите, Мюллер, Люшер.

Дифтонги нисходящие öi, üi передаются через ёй, юй.

Голл.	Ruisbroek	—Рейсбрук	Luykens	—Лёйкенс
Немецкий	Däubler	—Дёйблер	Deutschbein	—Дёйчбейн

Дифтонги восходящие с неслоговым u, т.-е. ue, uo, ua передаются через уэ, уо, уа.

Испанский	Fuente	—Фуэнте		
	Lope de Rueda	—Лопе де Руэда		
Итальянск.	Castelnuovo	—Кастельнуово		
	Buomattei	—Буоматтеи	Guerazzi	—Гуэрацци
Франц.	Boisgobey	—Буагобе	Gualtieri	—Гуальтьери
	Poirot	—Пуаро	Quarena	—Куарена

4. Неслоговое I (или согласный J) перед гласными A, E, U передается вместе с последующим гласным одной русской буквой, именно IA—Я, JE—Е, JU—Ю, перед гласными I, O, через Й.

После согласного звук J изображается знаком Ь, причем А после Ь пишется через Я.

Немецкий	Jaberg	—Яберг	Jellinek	—Еллинек
	Jäger	—Егер	Jerusalem	—Ерузалем,
	Jhering	—Еринг	Jireczek	—Йиречек
	Jung	—Юнг	Jordan	—Йордан
	Julian	—Юлиан	Jodl	—Йодль

Также Йорк, Йод, Лойола, Езуит, лояльный и т. п.

Итальянск.	Biondo	—Бьондо	Chianti	—Кьянти
	Piazzi	—Пьяцци	Chiabrera	—Кьябрера

Также Пьер, Сьена, Карманьола, Сьерра.

Примечание: В случае колеблющихся начертаний **с ья** или **ия** предпочтение отдается первому: матерьяльный, гегельянец.

5. **Средне-европейский L передается в конце слов и в середине перед согласным через «л»: бал, пенал, пфандл, валторна, идалго (не игдальго), Цолшан, кроме случаев укоренившейся традиции, как напр., пальто, стиль, штепсель, вентиль.**

Слоги la, lo, lu передавать (за исключением случаев прочно установившейся традиции) через «ла», «ло», «лу»: целулоза, ларингит, лумбаго, луцерна, Зола, Делоне, Луцифер.

6. **Велярно-зубной (т.-и. твердый) «л» передается всегда через «л». Это относится главным образом к английскому и польскому языкам: хомрул (а не гомруль), Мелбурн, Милтон.**

7. **Взрывные b, p, d, t. g, k** **передаются как б, п, д, т, г, к**
8. **Фрикативные v, f, s, z, s, z, x,** **как в, ф, с, з, ш, ж, г, х**

Немецкий	Weise	— Вейзе	Weisse	— Вейсе;
	Schulze	— Шульце.	Lachmann	— Лахман
Голландск.	Gravenwert	— Гравенверт	Van den Vondel	— Ван ден Вондель

9. **Фрикативные межзубные, как т, д, с, з,—смотря по языкам.**

10. **Придыхание h, как х** [1]**):** Herbert — Херберт.
Hufer — Хуфер Mannheim — Манхейм

11. **Фрикативные билабиальные (т.-е. произносимые одними губами) как в, ф (таковы, например, испанские в, v).**
Caballero — Кавальеро Escobar — Эсковар

12. **Н немое, т.-е. не произносимое как во французском, испанском и т. п. языках, не передается вовсе, за отдельными прочно укрепившимися случаями: Гюго, Гавана.**

13. **Сложные согласные, как бы они ни писались, передаются: глухие простыми знаками ц, ч, звонкие—за отсутствием в русском алфавите соответствующих букв—путем сложения, т.-е. дз, дж; напр., Дейч, Банк, Дойчбейн, Кацугава.**

14. **Двойные согласные (долгие согласные и геминаты) сохраняются только в иностранных собственных именах между гласными после ударения: при изменении положения геминаты в склонении правописание регулируется по именительному падежу.**
Mann — Ман (р. п. Мана), Stuttgart — Штутгарт
но: Ве́ттергорн, Бокаччо.

---

[1]) Эта передача признана предпочтительной, так как глухое придыхание все-таки ближе к глухому фрикативному, нежели к звонкому взрывному. В установившихся случаях придется, конечно, сохранить написания через **г**, как в Гейне, Гобс и т. п., хотя и здесь практика чрезвычайно различна (ср. передачу англ. имен Генри, Гаррис, Гаррик, Гольмс или Хаггард, Хиченс, Холмст). Строгое применение знака **х** при передаче иностранного **h** будет облегчать и самое установление иностранного написания, так как **г** в таком случае всегда соответствовало бы иностранному **g**, а, **х**—**h**. Если мы применяем **х** для передачи немецкого или голландского **h, ch,** то это не вызовет больших усложнений по той причине, что фамилии, начинающиеся с **ch**, в этих языках крайне редки. Для других языков, где есть только **g** и **h** и вовсе нет **х** (=нем.), этим будет достигаться абсолютная регулярность соответствия (напр., англ., шведск. или датск., норв., где иначе такая передача имен, как напр., Гарборг и Гамсун, не позволяет сразу установить написания **Garborg** и **Hamsun**), и, наоборот, транскрипция Хебель и Гейбель сразу позволит определить немецкое написание Hebel и Geibel.

ПЕРЕДАЧА ИНОСТРАННЫХ ЗВУКОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ЯЗЫКАМ

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.

При передаче английских фамилий и имен, по отношению к которым приходится исходить не из написания, а из произношения, можно установить следующие основные приемы.

Транскрипция русскими знаками английских звуков во многих случаях будет очень приблизительная. Большое разнообразие английских гласных не может быть с достаточной полнотой передано имеющимися в русском алфавите буквами. Гласные **a, e, i, o, u** всех видов и оттенков передаются обычными приемами, т.-е. **а, е (э), и, о, у,** смешанные гласные нелабиализованные, обозначаемые Межд. Фонет. Ассоциацией при помощи **d, ae, d,** передаются через **ё.** Дифтонги **ei, ou,** изображаемые английскими знаками **ai, ay, ei, ey, ou, ow, au, aw,** передаются через **ей, оу.** Там же, где им в англ. языке соответствуют написания через **a, o, ea, oe, oa,** писать **е, о,** поэтому останется: эль, бифштекс, букмекер, Крузо, Гомрул, Окленд, но: Тейлор, Сеймур, тейлоризм, Шоу, Сноуден. Дифтонги **ai** и **aù** всегда передаются через **ай** и **ау,** независимо от их англ. обозначения, следовательно: Райдер, Тауэр, Браунинг. Согласные: **p, b, m, f, v, t, d, n, s, z, š, ž, l, r, k, g** передаются, как обычно́, через **п, б, м, ф, в, т, д, н, с, з, ш, ж, л, р, к, г,** причем веларный **l** всюду остается в передаче, как **л.** Согласные же, отсутствующие в русском, именно **w,** звонкий **th,** глухой **th** и придыхание **h** передаются через **в** [1]), **д, т, х.**

В конце слов после согласных **s** передается через **с,** независимо от его англ. произношения, как **з,** т.-е. Чарлс, Коллинс, Хиггинс.

Примеры:

Alcott	— Олкот	Burroughs	— Берроус
Anstay	— Энстей	Bacon	— Бекон
Boothby	— Бутби	Baldwin	— Болдвин
Braddon	— Бреддон	Caine	— Кейн
Buchanan	— Бьюкенен	Cooper	— Купер
Bunyan	— Беньян	Cullom	— Келлем
Burnett	— Бернет	Cummins	— Кемминс
Burns	— Бернс	Churchill	— Черчилль

---

[1]) За передачу англ. W через В высказывался решительно и акад. Гротссылаясь на первоначальную традицию (д. 40-х годов писали всегда В), на невозможность выдержать транскрипцию через У до конца, так как перед У всегда пишется В: "слова Woolwich никто не напишет Уулич вместо Вулич", и на ряд слов, где написание через В укрепилось совершенно твердо, ср. вагон, Дарвин, Виндзор, Вашингтон, Вальтер Скотт и т. п. См. "Филолог. разыскания", 3 изд., т. II, стр. 392—393. В подкомиссии, однако, были высказаны и соображения за сохранение передачи через У, но большинство высказалось за В по соображениям, высказанным в общих положениях о передаче согласных звуков согласными же.

Galsworthy	— Голсворти	Rutherford	— Ретерфорд
Goldsmith	— Голдсмит	Smith	— Смит
Hastings	— Хастингс	Southey	— Саути
Hawthorne	— Хауторн	Stevens	— Стивенс
Haggard	— Хаггард	Sublett	— Себлет
Hardy	— Харди	Tupper	— Теппер
Harraden	— Харраден	Thurston	— Терстон
Hume	— Юм	Winthrop	— Винтроп
Hughes	— Юз	Wood	— Вуд
James	— Джемс	Wadsley	— Водсли
Jacobs	— Джекобс	Wodehouse	— Водхауз
Murray	— Меррей	Woodward	— Вудворд
Pater	— Петер	Woodhouse	— Вудхаус
Paley	— Пели	Wright	— Райт
Raleigh	— Ралей	Welsh	— Вельш
Ruskin	— Рескин	Wilson	— Вильсон
Ruck	— Рек	Williamson	— Вильямсон.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК.

A—a
Ae—(ä)—e (э в нач. слов)

B—б
C—ц перед e, i: иначе—к
D—д
E—e (э в нач. слова)
F—ф
G—г
H—х (там, где h служит только знаком долготы, оно не передается вовсе)

I—и
J—й или в составе букв—я, е, ю.

K—к
L—л
M—м
N—н
O—o
Oe—ö—ё (э в нач. слов)
P—п
Qu—кв

R—р
S—с, з, ш (см. ниже).
SZ—с
T—т
U—у
Ue—ü—ю
V—ф
W—в
X—кс
Y—и
Z—ц

S передается: 1) как З в начале слова перед гласными, между гласными и после согласных R, L, M, N; 2) как Ш перед T, P в начале слова или второй части сложного слова.

Сочетания звуков.

При передаче нем. дифтонга ai подкомиссия остановилась на принципе транслитерации: при написании ei пишется по-русски ей (в начале слов эй), при написании ai—ай. Примеры: Эйлер, Шнейдер; но Кайзер.

ai, ay — ай, au — ay, ch — х, ск — к, sz — с, tz — ц, ei, ey — ей (эй в нач. слов), ей, äи — ёй, ie — и, pf — пф, dt — т, sch — ш.

Примеры:

Arndt	— Арнт	Hammer	— Хаммер
Beck	— Бек	Hagemann	— Хагеман
Bleibtreu	— Блейбтрёй	Hölderlin	— Хёльдерлин
Blomberg	— Бломберг	Hülsen	— Хюльзен
Blumenthal	— Блументаль	Hübner	— Хюбнер
Boeck	— Бёк	Hülshof	— Хюлсхоф
Bodenstedt	— Боденштет	Kosegarten	— Козегартен
Breitkopf	— Брейткопф	Lujck	— Луик
Bohne	— Боне	Mühsam	— Мюзам
Bonne	— Бонне	Mann	— Ман
Hebel	— Хебель	Nietzsche	— Ницше
Hebbel	— Хеббель	Rilke	— Рильке
Hensel	— Хензель	Sauer	— Зауер

Scheffel	— Шеффель	Stange	— Штанге
Schmidt	— Шмидт	Vowinckel	— Фовинкель
Schmitt	— Шмит	Walzel	— Вальцель
Schuchardt	— Шухарт	Wundt	— Вундт
Siebs	— Зибс		

С установившейся графикой остаются такие фамилии, как Heine—Гейне, Heyse—Гейзе, Hoffmann—Гофман, Hauptmann—Гауптман и другие согласно имеющему быть выработанному списку.

ГОЛЛАНДСКИЙ ЯЗЫК.

Правила передачи в основном те же, что и для немецкого. Специфические особенности голландской графики следующие:

c перед **a, o, u** — **к**

u — **ю**, если оно стоит в открытом слоге или выражено через **uu**

w — **в**; после **u** не передается

c перед **e, i** — **с**

s всегда **с**

v всегда **в**

z — всегда **з**

Двойные гласные **aa, oo, ee** передаются простой гласной **a, o, e:**

ae — **a**	**ei (ey)** — **ей**	**au**	— **оу**	**ieu** — **иу**
ie — **и**	**ij** — **ей**	**ou**	— **оу**	**sch** — **сх (не ш)**
oe — **у**	**eu** — **ё**	**ui (uy)** — **ёй**	

Примеры.

Boer	— Бур	Luykens	— Лёйкенс
Barnouw	— Барноу	Maerlant	— Марлэнт
Bosch	— Босх	van Meurs	— ван Мёрс
Bruin	— Брёйн	Overdiep	— Овердип
Bloete	— Блуте	Rijsen	— Рейсен
Boekholt	— Букхольт	Snellaert	— Снелларт
Blauwkuip	— Блоукёйп	Schaepman	— Схапман
Cosijn	— Косейн	van Schelven	— ван Схельвен
Couperus	— Коуперус	Schomer	— Схомер
van Duren	— ван Дюрен	Streuvels	— Стрёвельс
Eekhof	— Экхоф	Tiemeijer	— Тимейер
Grootaers	— Гротарс	Verwijs	— Вервейс
Houben	— Хоубен	de Vries	— де Врис
Huizinga	— Хёйзинга	Verschur	— Версхюр
Hoemoet	— Хумут	te Winkel	— те Винкель
Kluyver	— Клёйвер	van Wijk	— ван Вейк
Kollewijn	— Коллевейн	Zwaardemaker	— Звардемакер
Leenen	— Ленен	Zoomers-Vermeer	— Зомерс-Вермер

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК.

Основные положения те же; специфические особенности графики сводятся к следующим:

ä—**e** (э)
c—**c**
k—перед **e, i, ä, y**—**ч**

gj, hj, lj — **й** или в составе букв **я, е, ю, ё**

ö—**ё** (э)
s—всегда **с**
sj—**ш**

sk перед **a, e, ö, y**—**ш**
skj, stj—**ш**
tj—**ч**

y—**ю**
å—**o**
z—**c**

В старинной шведской графике **hv**—в, **fv**—в, **dt**—тт.

Примеры:

Cederskiöld	— Седершёльд	Noreen	— Норен
Dahlerup	— Далеруп	Nordenskiöld	— Норденшёльд
Dybek	— Дюбек	Rydqvist	— Рюдквист
Gjellerup	— Еллеруп	Säve	— Севе
Hjalmar	— Яльмар	Siögren	— Шёгрен
Hjärne	— Ерне	Söderwall	— Сёдервал
Hammarsköld	— Хаммаршёлд	Skarstedt	— Скарстет
Hjelmqvist	— Ельмквист	Stjernberg	— Шернберг
Kålund	— Колунд	Stiernstedt	— Шернстет
Kellgren	— Челльгрен	Steenstrup	— Стенструп
Kihlgren	— Чильгрен	Tjäder	— Чедер
Lyngby	— Люнгбю	Wisen	— Висен
Ljunggren	— Юнггрен	Wallenskiöld	— Валленшёльд
Ljungström	— Юнгстрём		

ДАТСКИЙ ЯЗЫК.

Во всем, как шведский, с нижеследующими отличиями:

aa—o; ø—ё (в начале слова э), **k, g** всегда сохраняют свое значение, равно **sk, sj, skj, ch-k; d** после **l, n, r** не передается; **j** после **g, k**— не передается.

Примеры:

Aaberg	— Оберг	Giese	— Гисе
Aasen	— Осен	Henrichsen	— Хенриксен
Ammundsen	— Аммунсен	Holdenson	— Холенсон
Baagøe	— Богё	Hald	— Халь
Bache	— Баке	Jensen	— Енсен
Bergstedt	— Бергстет	Jonsson	— Ёнсон
Bondegaard	— Бонегор	Jørgensen	— Ёргенсен
Christensen	— Кристенсен	Kierkegaard	— Киркегор
Egellbjerg	— Эгельберг	Moestrup	— Мёструп
Gyldenkrone	— Гюленкроне	Petersen	— Петерсен
Gemzøe	— Гемсё	Schou	— Скау
Gjellerup	— Геллеруп	Sick	— Сик
Grundtvig	— Грунтвиг	Skjeldborg	— Скельборг
Grønbech	— Грёнбек	Worsaae	— Ворсо

С установившейся графикой остаются Андерсен (вместо Анерсен), Гамсун вместо Хамсун (Hamsun).

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК.

Для слов, взятых из древне-греческого языка, традиция настолько укоренилась, что полностью провести правильные изображения не представляется возможным. Поэтому только в отдельных частностях можно провести единый принцип письма, а именно:

1. Греческий юпсилон **(v)** передавать всегда через **и** по большинству случаев (**ю** встречается очень редко, напр., в «глюкоза», но при таких обозначениях, как гликокол).

2. Дифтонги **(dv, ev)** передавать через **ав, ев,** не через ай, ей (т.-е. пневмония, травма, левкоцит, невроз и т. п.).

3. Греческую сигму передавать через **з** между гласными и перед **м,** в прочих случаях всегда через **с** (также и в сложных словах, как астигматический); напр., афазия, хромозома, кризис, мизогин, мизантроп, плазма, плазмодий.

4. В отношении различных приемов передачи **к** и **е** (то через **к, т,** то через **ц, ф:** Цербер, энцефалит, лейкоцит, но: кефалдон, микрокефал; Фрасибул, фимиам, но: терапевт, тавматургия), придерживаться во вновь вводимых словах **к** и **ф,** а в прочно установившихся случаях сохранять традицию.

Примечание: Во всех словах греческого происхождения, переходящих из европейских языков, сохранять греческое произношение и соответствующую передачу, поэтому линотип, интертип, а не интертайп (с англ. произношением) и т. п.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК.

Транскрипция французских имен также должна исходить из произношения, потому что дать просто правила соответствия французских букв русскими могло бы вызвать ряд неправильных передач.

Особенно затрудняет то, что в собственных именах и фамилиях одни и те же согласные в конце слов то произносятся, то нет (ср. какое-нибудь Dumas и Du Bartas, где в первом случае **s** не произносится, во втором—наоборот [1]).

Кроме того, затрудняет часто очень архаическая графика фамилий, которая сама по себе столь разнообразна, что требовался бы длинный перечень ряда случаев, где те или иные буквы или сочетания букв не должны передаваться, как не сохранившиеся в произношении и вдобавок не употребительные в написании нарицательных имен. Все же для французских фамилий возможно установить ряд положительных соответствий в русской передаче, исходя из общих вышеизложенных соображений. Так именно гласные буквы и их сочетания должно передавать следующим образом:

a—а	**o—о**	**ei (ey)—е (э)**	**eu—ё**
e—е(э)	**u—ю**	**oi (oy)—уа**	**ou—у**
i—и	**ai (ay)—е (э)**	**au—о**	**eau—о**

Носовые гласные: **ã** (на письме **en, an, em, am** без последующей гласной), **ẽ** (на письме **in, im, ain** и т. д.), **õ (om, on), ũ (un, um), ue (oin)** должны бы передаваться через **ан, ен, он, ён, уэн,** как обычно это и имеет место. Однако, если после гласного стоит губной согласный, то обычно носовой передается через сочетание гласного с **м.**

b—б	**h** — не передается вовсе	**r—р**
c—к или **с** (перед **e, i**).	**j—ж**	**s—с** или **з** (внутри слов между гласных)
ch—ш	**l—л (ль)**	**ss—с**
f—ф	**ill—й** или **л** (в отд. случаях, оговоренных в особом словнике) [1]).	**t—т** (в группе **ti** перед гласными **с,** кроме отдельных случаев)
g—г или **ж** (перед **e, i**).	**m—м**	**v** или **w—в**
gn—нь	**n—н**	**x—кс** или **гз**
gu+**e, i—г**	**p—п**	**z—з**
	qu—к	

[1]) Последнее относится только к словам с укоренившейся традицией, воспринятых частью еще до XIX в., когда **ль** соответствовало действительно французскому происхождению, как напр., Корнель, батальон и т. д.

Как общее правило, неударное **e** в конце слов не передается, в середине слов частью тоже, в зависимости от произношения. Что касается согласных в конце слов, то здесь, как сказано, они передаются или нет в зависимости от произношения.

Примеры:

About	— Абу	Humbert	— Энбер
Abrantes	— Абрантес	Janet	— Жане
Aimard	— Эмар	Janin	— Жанен
Assolant	— Асолан	Lamartine	— Ламартин
Arnaut	— Арно	La Boetie	— Ла Боэси
Adam	— Адан	Lescaut	— Леско
Belot	— Белло	Lespinasse	— Леспинас
Brehat	— Бреа	de Ligne	— де Линь
Bazin	— Базен	Louvet	— Луве
Bonneval	— Бонваль	Louys	— Луис
Cahu	— Каю	Luchaire	— Люшер
Cahuet	— Каюе	Loti	— Лоти
Calas	— Калас	Maistre	— Местр
Cabanis	— Кабанис	Maupas	— Мопа
Camus	— Камю	Montaigne	— Монтень
Capus	— Капюс	Meillet	— Мейе
Claretie	— Кларети	Mendès	— Мендес
Ducis	— Дюсис	Millevoye	— Мильвуа
Dupuis	— Дюпюи	Malesherbes	— Мальзерб
Du Camp	— Дюкан	Marast	— Мараст
Deschanel	— Дешанель	Millerand	— Мильран
Deschamps	— Дешан	Noailles	— Ноай
Desmarets	— Демаре	Ouin	— Уэн
Fréjus	— Фрежюс	Proust	— Пруст
Fleuriot	— Флёрио	Restaut	— Ресто
Genlis	— Жанлис	Saint-Saens	— Сен-Санс
Gebhart	— Гебар (не Жебар)	Treville	— Тревил
Hervieu	— Эрвьё	Vaugelas	— Вожла
Houssaye	— Уссе	de Warens	— де-Варанс
Huard	— Юар		

С установившейся графикой остаются Гюго (Hugo), Стендаль (Stendhal) и некоторые другие.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК.

A — **а**
B — **б**
C — **к** перед **a, o, u,** **ч** перед **e, i**
D — **д**
E — e (э)
F — **ф**
G — **г** перед **a, o, u,** **дж** перед **e, i**
H — никогда не передается
I — **и**
J — **й** или в составе **я, е, ю**
L — **л**
M — **м**
N — **н**
O — **о**
P — **п**
Q — **к**
R — **р**
S — **с** и **з** (см. ниже)
T — **т**
U — **у**
V — **в**
Z — **ц** и **дз** (см. ниже)

Сочетания знаков **ci, gi** перед следующими гласными **a, o, u** выражают просто **ч, дж,** и потому **i** в этих случаях не должно передаваться вовсе, т. е. **cia—ча, gia—джа, cio—чо, gio—джо** и т. д.

Ch, gh перед **e, i** обозначают **к** и **г** (особый случай составляет лишь фамилия писателя Berchet, которая произносится Берше).

Сочетания знаков **gli, gn** передаются как **ль, нь.**

S внутри слов между гласными произносится как **с** или **з,** но для каждого случая точных правил дать нельзя и надлежит при передаче руководствоваться произношением.

Сочетание **sc** перед **e, i** имеет значение **ш;** равным образом **sci** перед **a, o, u.** Поэтому в последнем случае **i** не должно вовсе передаваться.

Сочетание **sc** перед **a, o, u—ск,** равным образом **sch** перед **e, i—ск.**

U без ударения перед гласными имеет значение **u** неслогового и передается как указано выше в п. 7; также **i** без ударения должно передаваться по п. 8, кроме особых случаев.

Z имеет значение двоякое, причем в каждом случае установить произношение заранее невозможно. Необходимо прибегать к справке словарей.

Двойные согласные всегда передаются, как таковые. Исключение допускается лишь для двойных **dz** и **dž,** где приходится ограничиваться простой передачей во избежание нагромождения лишних букв.

Исход **ia**—передается через **ия, io** через **ио,** также—**iano** через—**ияно,** ср. Grazia—Грация, Mario—Марио, Muziano—Муцияно.

Примеры:

Aloisi	— Алоизи	Giulio	— Джулио
Azeglio	— Адзельо	Humberto	— Умберто
Borghi	— Борги	Luigi	— Луиджи
Bracciolini	— Браччолини	Manzoni	— Мандзони
Bisaccioni	— Бизаччони	Mazzoni	— Маццони
Castiglione	— Кастильоне	Manzini	— Мандзини
Crescini	— Крешини	Mozzi	— Модзи
Cesareo	— Чезарео	Muzzi	— Муцци
Chiabrera	— Кьябрера	Muccioli	— Муччоли
Compagni	— Компаньи	Mezzofanti	— Медзофанти
Deledda	— Деледда	Poggio	— Поджо
Farnese	— Фарнесе	Sighele	— Сигеле
Fasoli	— Фасоли	Schedoni	— Скедони
Gentile	— Джентиле	Sondzogno	— Сондзоньо
Giorgetti	— Джорджетти	Zannini	— Дзаннини
Grazzini	— Граццини	Zanchini	— Цанкини
Giovanioli	— Джованьоли	Zingarelli	— Цингарелли

С установившейся графикой остаются Guido—Гвидо, Guicciardini—Гвиччардини, Quarenghi—Кваренги.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК.

В отличие от соответствий, установленных для итальянского, надлежит отметить:

b — в	**ch — ч**	**ñ — нь**
c перед **e, i — с**	**j — х**	**qu** перед **e, i — к**
g перед **e, i — х**	**z — с**	**gu** перед **e, и — г**
h нигде не передается	**ll — ль**	

y — й; только в отдельном употреблении **y** произносится и передается как и, например, Mila y Fontanals—Мила и Фонтанальс.

Дифтонги ie, ue передаются через ье, уэ; ai (ay), ei (ey), ui (uy) как ай, ей (эй), уй.

Примеры:

Avellaneda	— Авельянеда	Juan Ruiz	— Хуан Руис
Alarcon y Mendoza	— Аларкон и Мендоса	Menendez y Pelayo	— Менендес и Пелайо
Avelino da Orihuela	— Авелино да Ориуэла	Nuñez de Taboada	— Нуньес де Табоада
Cejador	— Сехадор	Ochoa Eugenio	— Очоа Эухенио
Castellanos	— Кастельянос		
Duran	— Дуран	Pizarro y Orellan	— Писарро и Орельян
Espronceda	— Эспронседа		
Echegaray	— Эчегарай	Quintana	— Кинтана
Figueroa	— Фигероа	Quevedo Villegas	— Кеведо Вильегас
Feijoo y Montenegro	— Фейхоо и Монтенегро	Sanchez	— Санчес
Ginez Perez de Hita	— Хинес Перес де Ита	Saavedra Fajardo	— Сааведра Фахардо
Guerra y Orbe	— Герра и Орве	Zorilla	— Сорилья
Jimenez	— Хименес		

С установившейся графикой останутся, напр., Бароха вместо Вороха (исп. Baroja), Ибаньес вместо Иваньес (исп. Ibañez).

РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК.

Особенности румынской графики, во многом сходной с итальянской, заключаются в следующем:

A—a	**e—e** всюду и в начале слов	**j—ж**
â—ы	**g** перед **a, o, u — г**	**l—л** всюду
ă—е	**g** перед **e, i —дж**	**s—с** всюду
c перед **a, o, и—к**	**gh—г**	**ş —ш**
c перед **e, i—ч**	**h—х**	**ţ—ц**
ch—к	**î—ы**	**z—з**

Дифтонги **ie—ье; ea, ia—я** (после шипящих **a** по принципам русской графики); **oa—уа** (или **oa**); **i** в конце слов имеет значение нашего **ь**, то же самое—**iй** (старая графика), **i, u** после гласной имеет значение неслоговых звуков и потому передаются как **й, у.**

Примеры:

Anghel	— Ангел	Creţu	— Крецу
Asachi	— Асаки	Cioroianu	— Чорояну
Agârbiceanu	— Агырбичану	Epuresti	— Епурешти
Bogrea	— Богря	Erbiceanu	— Ербичану
Bacă u	— Бакеу	Giuglea	— Джугля
Bă gescu	— Беджеску	Gherghel	— Гергел
Bârseanu	— Бырсяну	Lipă neanu	— Липеняну
Buză u	— Бузеу	Morariu	— Морарь
Bârlad	— Бырлад	Mândrescu	— Мындреску
Candrea	— Кандря	Puşcariu	— Пушкарь
Cihac	— Чихак	Pârvan	— Пырван
Câmpulung	— Кымпулунг	Şincai	— Шинкай
Caragea	— Караджа	Ţenescu	— Ценеску
Ciobanu	— Чобану	Vlahuţă	— Влахуце
Creanga	— Крянга	Zamfirescu	— Замфиреску.

МАДЬЯРСКИЙ ЯЗЫК.

Соответствие мадьярских и русских знаков может быть представлено в следующей таблице:

a—о	**e, é—е (э)**[1]	**j—й**	**ny—нь**	**sz—с**	**z—з**
á—а	**f—ф**	**k—к**	**o, ó—о**	**t—т**	**zs—ж**
b—б	**g—г**	**l—л**	**ö—ё**	**ty—ть**	**y—и**
c (cz)—ц	**gy—дь**	**ly—й**	**p—п**	**u, ú—у**	
cs—ч	**h—х**	**m—м**	**r—р**	**ü—ю**	
d—д	**i, í—и**	**n—н**	**s—ш**	**v—в**	

Примеры:

Angyal	— Ондьоль	Nyáry	— Ньари
Ernyey	— Эрньеи	Molnár	— Мольнар
Gyalókay	— Дьолокой	Mátyási-Édes	— Матьяши-Эдешь
Göböl	— Гёбёль	Szabó	— Собо
Gyöngyösi	— Дьёндьёши	Simonyi	— Шимоньи
Illés	— Иллеш	Szinyei	— Синьеи
Kiss	— Киш	Ujfalvy	— Уйфольви
Kunos	— Куношь	Zsigmond	— Жигмонд
Lengyel	— Лендьел		

С установившейся графикой остаются: Йокай—Jókai. Для мадьярских фамилий необходимо иметь в виду, что многие из них сохранили архаическую графику и потому в написании своем отступают от ныне принятых приемов письма. В таких случаях приходится предварительно иметь справку о точном произношении, так как никаких указаний заранее дать нельзя, ср., напр., Madách—Мадач, Thewrewk—Тёрёк, Horváth—Хорват.

ФИНСКИЙ ЯЗЫК.

Основные правила передачи финских фамилий и имен не вызывают затруднений. Гласные передаются обычными приемами, т.-е. **a, e, i, o, u,** как и в западно-европейских языках; знак **y** через **ю** (как в шведском), **ö** через **ё** (или **э** в начале слов), знак **ä** через **я** в середине и через **э**—в начале слов. Согласные, как в немецком языке. При этом двойные гласные и согласные передаются через двойные и в русской транскрипции, соответственно произношению.

КРАТКИЙ ОБЗОР ОТЗЫВОВ, ПРОЕКТОВ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ОРФОГРАФИИ [1]).

После опубликования статьи тов. И. В. Устинова, а также проектов орфографической и пунктуационной подкомиссий при Секторе науки в «Учительской Газете» Сектор науки получил около трехсот письменных откликов по вопросу о реформе орфографии и пунктуации. Писали отдельные лица: рабочие, крестьяне, учителя, инженеры, ученые и др.; целые коллективы учащихся, учителей, педагогических и ученых обществ присылали протоколы заседаний, на которых обсуждались проекты реформы [2]); получено также несколько полных систематических проектов, проработанных педагогами и учеными (М. Смирнов, П. Нарциссов, Н. Турбин, И. Александров, В. Попов и др.), а также материалы к реформе орфографии (В. Хитрово, М. В. Ушаков, В. Соколов, И. Камов, А. Андреев, Ястребов, Желнин и др.). Некоторые авторы ограничились изложением одного какого-либо предложения на открытке или листочке из блок-нота (напр., предложение т. Макарова заменить буквы цифрами и писать примерно так: 247031—означает «Москва»). Немногие корреспонденты выразили только свое чувство полного удовлетворения или неудовольствия по отношению ко всему проекту в целом или к отдельным его пунктам, не обосновывая своих взглядов. «Проект Сектора науки для нас, сельских просвещенцев, вполне приемлем. Необходимо пожелать только, чтобы эта реформа с нового учебного года была проведена самым решительным образом».—«Со статьей т. Устинова вполне солидарен. Эту реформу надо сделать, елико возможно, раньше; мы, просвещенцы, ее ждем с нетерпением» (Шутенко, Средне-Волжский край). — «Всемерно ускорить прохождение проекта через много-

---

1) Составлен Н. Н. Никольским.

2) 1) Конференция слушателей вечернего педагогического института в Ленинграде, 2) Орфографическая комиссия Ленинградского лингвистического общества, 3) Краснодарский педагогический техникум, 4) Монастырщинское метод. объединение, 5) педколлектив Краснодонской школы, 6) педагогическое общество при Воронежск. гос. ун-те, 7) коллектив учителей Мельгунской районной школы, 8) педагогическое совещание Коречинского кустового объединения, 9) собрание студентов ГИЖа, 10) кружок смоленских словесников, 11) Ярославское городское обьединение словесников, 12) московское учительство нацменьшинств, 13) лингвистический кружок при Казанской школе № 15, 14) Архангельская ассоциация преподавателей, 15) Владимирское объединение словесников, 16) Средне-Волжский Ком. ун-т, 17) Педагогическое совещание 4-й Ковровской школы, 18) учащиеся Балашевского педтехникума, 19) секция курского отд. Педагогического общества при ВГУ, 20) секция словесников Льговской метод. конференции, 21) объединения словесников при ГИНП (Ленинград) и т. д. и т. п.

численные инстанции» (Коблов) и т. д. «То, что предлагает комиссия, и не пахнет реформой, а является издевательством над реформой... Похоже, что от этого дела хотят отмахнуться и опять затемнить головы ребят и взрослых... Товарищи! От реформы пахнет вредительством. Неужели вы этого не замечаете? Отвечайте». (М. Мальцев).—«Возмущен до глубины души... безобразнейшим консерватизмом. Такие мизерные, нищенские шаги... Зачем же заниматься крохоборчеством... Надо упростить орфографию до крайности» (Лехов).

В большинстве же отзывов разбираются пункты проекта или статьи Устинова, обосновывается согласие или несогласие с ними, предлагаются новые пункты или варианты изложенных в проекте. Больше половины корреспонденций получены в ответ на статью Устинова, напечатанную много раньше проекта Сектора науки Наркомпроса. Большая часть возражений направлена против тех пунктов статьи, которые в проект не вошли.

Отзывов по вопросам пунктуации чрезвычайно мало, не больше 2½—3% всего полученного материала.

Огромное большинство отзывов приветствует реформу орфографии, считает ее крайне необходимой и соглашается с основными установками проекта. Многие преподаватели настаивают при этом на скорейшем осуществлении реформы, во всяком случае к началу нового учебного года. «Все предложения комиссии следовало бы как можно скорее декретировать» (Саятин и др.). Однако в очень небольшом числе корреспонденций (в трех-четырех) высказано принципиальное несогласие с необходимостью реформы. «У нас есть хороший литературный язык, очень легко доступный самым широким массам, с очень точной грамматикой, в которой почти нечего реформировать... Здесь лучшего желать не остается... С другой стороны, наша живая речь—это бесконечная стихия безграмотности и бескультурья речи... Только лживая, коварная, буржуазная наука может стремиться приблизить грамматику к живому языку... Надо не грамматику реформировать, а процесс обучения... С точки зрения дидактического процесса целесообразно только одно: приблизить живую речь к грамматике... Читай так, как напечатано... говори так, как напечатано: чи-та-е-т, крас-но-го и т. д... и все научатся совершенно достаточной грамотности» (Дергачев). Последовательный вывод из поставленных на голову посылок.

По принципиальным соображениям иного порядка протестует против упрощения орфографии другой автор: «Народ-хозяин должен требовать, чтобы его детей обучали по-настоящему, а не нищенски дешевым способом, сокращающим обучение на несколько часов» (Багровский). Автор боится, что реформированная орфография станет орфографией второго сорта. Он не хочет видеть, что реформа не затрагивает ни богатства и разнообразия языка, ни возможностей передать в письме оттенки мыслей, а только рационализирует систему правописания так, чтобы приходилось меньше времени тратить на механическое заучивание условных и запутанных правил письма. Опасается реформы и т. Золотарев. Он предлагает только «кое в чем» пойти на сближение правописания с произношением». «Логика упрощения ведет к желанию совсем освободиться от норм грамматики... Преодолев две системы орфографии, в ожидании третьей,

четвертой и т. д. наши ученики уже сейчас получили новый стимул к стихийному упрощению письма». Возражение не безосновательное, но тем более принуждающее коренным образом пересмотреть нашу орфографию, чтобы действительно освободить ее от чрезвычайной путаницы подчас неуловимых оснований современного правописания, построить ее в наиболее целесообразную систему и тем гарантировать ей достаточно длительный срок действия. Психологические «стимулы» к самочинному стихийному упрощению не так уже опасны, а бесплодное расточительство времени и сил на мнемоническое усвоение условнейших правил нашей орфографии есть безусловно вопиющая бесхозяйственность.

Некоторые корреспонденты, соглашаясь с необходимостью реформы, считают, что несвоевременно вводить новые орфографические правила сейчас, не дожидаясь перехода на латинский шрифт. Они считают, что у учащихся разрушится зрительный образ слова, которому придется быть оформленным в трех видах: современной орфографии, реформированной орфографии и латинского написания (Волчков). Конечно, зрительный образ играет определенную роль при усвоении орфографии; однако это относится главным образом к лицам с зрительной памятью. По существу же графическое изображение букв нисколько не связано с морфологическим анализом написания. Вероятно, только письменная передача иотированных гласных изменится в связи с переходом на новую графическую систему и затронет таким образом вопросы орфографии. Да и эти опасения теряют свою остроту, поскольку переход на латинский алфавит не стоит, повидимому, на очереди.

Другая категория возражений касается уже не вопроса необходимости или своевременности реформы, а ее принципов. «Проект недостаточно характеризует принципы, положенные в основу конкретных предложений... Заявление, что главным принципом, положенным в основу реформы, является фонетический принцип в его органической связи с морфологическим, лишено конкретного значения... Проект лишен единой принципиальной установки, половинчат, несогласован в деталях, имеет ряд недоговоренностей... Проект построен на условном принципе возможного единообразия в параллельных написаниях, в силу чего система орфографии попрежнему лишена принципиального единства» (конференция слушателей Ленинградского вечернего педагогического института). «В конкретных предложениях нет цельности системы, один пункт противоречит другому: некоторые пункты вызваны только стремлением единообразия без оглядки на живой язык и на потребности пишущего или читающего, другие пункты вызваны только интересами типографского дела... Комиссия полагает, что направление реформы должно диктоваться системой, некоторым орфографическим идеалом». (Орфографическая комиссия Ленинградского лингвистического общества). Орфографический «идеал» в проекте реформы есть, только авторы возражений ищут его не там, где его можно обнаружить. Он вовсе не заключается в том, чтобы добиться во что бы то ни стало неуклонного проведения какого-либо единого грамматического принципа в орфографии. Правда, во введении к проекту указывается на обилие принципов, которые отложились в нашей орфографии. Однако

решающим для требования упрощения является не эта путаница принципов, а вытекающая отсюда практическая разноголосица, противоречивость, неуловимость признаков, на основании которых устанавливается то или иное орфографическое требование. Наиболее совершенная с точки зрения академической последовательности и монистического построения система орфографии оказалась бы столь же непригодной, если бы вызывала слишком большие трудности для усвоения. Руководящий «идеал» реформы—это такое сочетание морфологического и фонетического принципов, которое обеспечило бы наиболее социально-целесообразную систему орфографии. При этом требовании социальной целесообразности должны быть учтены легкость и простота усвоения орфографии, плодотворность самого процесса усвоения, ясность и быстрота понимания написанного, а также интересы типографского дела. Никто не станет отрицать трудности найти равнодействующую для этих законных претензий. Проект вполне последовательно дает достаточный простор фонетическому принципу в письме, считая, что он значительно облегчает процесс усвоения правильного письма; проект признает господствующее значение морфологического принципа, подчиняя ему каждое типичное фонетическое явление, так как видит в этом принципе основу возможности письменного социального общения; проект весьма считается с требованием плодотворности процесса усвоения: он изгоняет из системы орфографии целый ряд условных правил, требующих чисто механического запоминания, сокращает число разнообразнейших правил, сокращает до минимума количество исключений, вводит ряд требований, основанных на орфоэпических принципах. Наконец, тот же социальный идеал целесообразности и простоты является решающим в немногих случаях, когда проект нарушает требование морфологического разнообразия, не поддерживаемого разнообразием фонетическим (напр., уничтожение различия «ться» и «тся» в глаголах), или когда он нарушает даже фонетические требования, графически одинаково изображая разные фонетические явления, если нет никакой возможности установить ясную и точную границу между ними (уничтожение двух согласных в словах типа «соный», «коный», «зеленый»).

Таким образом, пункты реформы действительно лишены принципиальной установки, несогласованы и т. д., если рассматривать их с точки зрения академического проведения какого-либо монистического языкового принципа, но они чрезвычайно последовательны и согласованы между собой с точки зрения социальной целесообразности, точной, простой и легкой орфографической системы. Если чего-нибудь стоит практический опыт не одной сотни учащихся и учащих, приславших свои отзывы о проекте реформы, то следует считать, что проект действительно отвечает требованию социальной целесообразности, поскольку окончательная редакция его в подавляющем числе пунктов соответствует наиболее частым предложениям с мест.

Как уже сказано, сочетание морфологического и фонетического принципов является основным началом при установлении отдельных орфографических требований. Естественно, что возражения против конкретного применения этих принципов пошли по двум направлениям. Одни оппоненты считают, что проект дает слишком большой

простор фонетическому разнообразию и пренебрегает морфологическим принципом, другие, наоборот, полагают, что проект слишком робко, как-то по-крохоборчески допускает единственно верную, по мнению этих оппонентов, фонетическую ориентировку письма.

«Последовательное проведение морфологического принципа значительно облегчит наше правописание» (Аванесов, Реформатский, Сидоров). Предварительно следует более точно выяснить функцию каждого из названных двух принципов. Морфологический принцип в применении к орфографии есть принцип исключительно формальный: его назначение—устанавливать графическое единство фонетического содержания для однородных морфологических единиц. Корень «вод» всегда должен писаться одинаково, окончание глагола в третьем лице должно всегда быть «т» и т. д. Даже случаи нарушения морфологического единообразия должны быть подчинены тому же морфологическому принципу единообразия; например, чередования согласных, т.-е. случаи нарушения единства фонетического состава, должны быть однородны: например, чередуются: г-ж-з, а не какие-нибудь г-к-б. Наоборот, всякое содержание, к которому может быть применено требование морфологического единства, дается фонетически. Фонетические явления—источник звукового содержания и разнообразия, морфологические единства уже данного фонетического содержания.

Таким образом, не может быть никакой речи о том, чтобы противопоставлять друг другу эти два принципа. По отношению к конкретному применению их может стоять только один вопрос: где надлежит поставить границу, за которой дальнейшие фонетические вариации данного языкового явления не подлежат письменному изображению. Приведенное возражение т. Аванесова, Реформатского и Сидорова затрагивает таким образом не общую установку проекта, так как проект вполне разделяет их основное положение и его осуществляет. Возражение касается только, как уже сказано, определения, на какой ступени фонетических вариаций данного морфологического явления закрепить их графическое изображение. Например: вариации приставки **воз**—вз—вос—вс. Оставить ли только **воз** или допустить и вариант **вз**, или допустить и вариант вос, вс. Поэтому все возражения морфологического характера, приведенные указанными авторами против проекта Устинова («ово, а не «ова», в род. пад. прилагательных «что», а не «што», писание «а», «о», «у» после «ч» и «щ»), вошли в пункты окончательного проекта, не нарушив его единства. Наоборот, проект не согласился с другими авторами, более жестко применявшими морфологическое начало (Гатилов, Турбин, Александров, Ветчинкин и др.). Проект не принял их предложения писать все приставки морфологически. Решающим аргументом была опять социальная нецелесообразность такого предложения: 1) оно крайне затрудняло бы письмо, требуя всякий раз отчетливого морфологического анализа слова, анализа иногда чрезвычайно трудного; 2) оно затрудняло бы и узнавание напечатанного слова, резко отличающегося от фонетического образа: возпитатель, изполнять, взтревожить, изпытать, источник, взплеснуть, взкрикнуть, изкусство, разпространить и т. д. Задача чрезвычайно сложная и вряд ли оправдывающая положение оппонентов, что «проведение морфологиче-

ского принципа значительно облегчит наше правописание». Также отвергнуты проектом и по сходным же соображениям, изложенным в самом проекте, предложения защитников жесткого морфологического принципа оставить «ь» после шипящих во 2-м лице глаголов, в существительных женского рода и др. случаях (Багровский и др.).

Возражения другого характера встретил проект со стороны защитников более фонетического письма. «Писать согласные, сомнительные по звуку... богатство звуков требует не стесняться введением новых букв» (Ястребов). Это единственно последовательный вывод, соответствующий установке на приближение письма к речи. Не идет на изобретение новых букв, но все-таки очень резко и далеко проводит фонетическое начало проект т. М. Смирнова. «Самый действительный для подавляющего большинства пишущих фактор есть произношение, начало фонетическое, и, стало-быть, из двух начертаний то лучше, которое ближе к произношению, из двух орфографий та проще, легче, общедоступнее (и правильнее), которая сглаживает бездну, отделяющую речь и письмо в звуковом отношении». В дальнейшем автор дает необходимое уточнение этой установке: «Упрощение орфографии сводится к тому, что... насколько возможно, с этимологического написания переводят слова на фонетическое написание, которое опирается всего меньше на теорию, а всего больше на п р а в и л ь н о е произношение или, как говорят, на орфоэпию». И еще точнее: «При этом считаем необходимым ориентироваться на московскую орфоэпию». А есть ли у автора точные данные утверждать, что обучить учащихся московской орфоэпии проще и легче, чем научить орфографии? Особенно при той массе говоров среди населения, которому придется обучаться грамоте.

Для проекта Сектора науки неприемлема установка на возможно более широкое применение фонетического письма, не считающееся с разрушением существенных морфологических единств.

1. Фонетическая установка в центре своего внимания ставит произнесение звуков и слогов изолированного слова и отрывает таким образом осознание этого слова и его составных частей от морфологических и смысловых ассоциаций с родственными фактами языка. Безусловно плодотворный педагогический процесс заменяется полезным, но во всяком случае не первой необходимости акустическим упражнением.

2. Совершенно неправильно переоценивать простоту и отчетливость восприятия фонетических явлений учащимися. Практика показывает, что даже такой простейший фонетический факт, как ударный слог, устанавливается ими с большим трудом и после продолжительной практики. Мы все знаем массы примеров, когда ученики младших групп и взрослые, ликвидирующие свою неграмотность, следовательно, еще не сбитые с толку грамматическими условностями, в поисках правильного изображения фонетического факта пишут простое слово на 10—15 ладов.

3. Всякая новая фонетическая вариация однородного морфологического написания затрудняет узнавание слова и его осмысливание читающим (напр. фход, оддых, паткова).

Да и те соображения, которые приводит т. Смирнов, переходя к наиболее существенным конкретным предложениям, вскрывают всю

шаткость его аргументации. Переходя к предложению «писать все приставки и предлоги фонетически», автор так обосновывает его: «В предыдущем было сделано так много уступок произношению в орфографии согласных, что во имя логики, во имя последовательности приходится сделать и дальнейшие шаги в этом направлении». Дальше: «Было бы странно воздержаться от последнего шага в реформе орфографии согласных звуков и не подумать над тем, нельзя ли вообще согласные писать по произношению» (М. Смирнов). Надо сказать, что в самом проекте т. Смирнова идет другая струя, в корне разрушающая все предыдущие устремления автора. Это—стремление к единообразному начертанию родственных или только фонетически близких морфологических элементов, напр., окончаний, суффиксов и др. Во имя единообразия автор предлагает писать: «к линие», «к жизне», «к матере», «в партие», «я читаю новою книгу», «он ввел в дом молодую и здоровою жену», «я вспоминаю о своем молодом и добрым товарище». Он допускает даже возможность, в целях слияния окончаний винительного с творительным падежом женского рода и творительного с предложным прилагательных мужского и среднего рода, ввести написания: «он ввел в дом молодою и здоровою жену», «я вспоминаю о своим молодым и добрым товарище». Основание то, что в безударных окончаниях произношение не различает творительного и предложного, а стремление к унификации требует перенести одинаковые написания и на случаи ударных окончаний.

Вывод особенно разительный при таком настойчивом проведении «самого действенного для подавляющего большинства фактора, начала фонетического».

Проект Сектора науки вводит целый ряд правил, основанных на фонетическом принципе. Однако вводит достаточно осторожно в тех случаях, когда новое правило не нарушает никаких морфологических единств, т.-е., когда устанавливается новое написание для целого разряда явлений (напр., окончания «ово» и «ыи» для прилагательных, окончание «ш» для глаголов и др.), или в тех случаях, когда новое правило, нарушающее морфологическое единство, обосновано не только фонетически, но и связано с устранением какой-либо существенной непоследовательности или условности современной орфографии (напр., «о» под ударением после шипящих при современном разнобое—«шелк» и «шопот», уничтожение «ь» после шипящих и др.).

Трудность и неопределенность чисто фонетической ориентировки, повидимому, сознают и сами авторы подобных проектов; у большинства из них повторяется одно совершенно неприемлемое для проекта Сектора науки предложение: отказаться от единообразия письма и допустить в некоторых случаях писать, как слышится учащемуся: «Буква «ь» употребляется всякий раз, когда мягкость согласного отчетливо слышится пишущему...» «Если мягкость согласного не слышится пишущему, то «ь» и не пишется», «если он (пишущий) отчетливо слышит долгий согласный, пусть пишет двойной согласный, а если не слышит, пусть и не пишет» (М. Смирнов, отчасти у Краснодарского педтехникума, секции Курского отдела словесности и др.); «если внутри слова встречаются три или четыре согласных, то, в соответствии с произношением, не считается ошибкой пропуск того

согласного, который плохо слышится или совсем не слышится, напр., сонце, серце, чуство, присуствие, позний и др.» (М. Смирнов). Еще более широкого отказа от единообразия письма, правда, по совершенно другим мотивам требует другой автор т. Андреев. Он считает, что запутанное и единообразное правописание было необходимо реакционному правительству Александра III как одно из средств подавить революционное движение: преграждается доступ к образованию «детей дворников и кухарок». Автор требует, чтобы специальную школу единообразного письма проходили редакторы, корректоры, педагоги и другие категории ученых; «для широких же масс это единообразие отнюдь не должно быть обязательным», при одном условии, конечно, чтобы эта свобода письма не вредила его понятности.

Проект Сектора науки стоит в этом отношении на принципиально другой позиции, не допускает никаких компромиссов. Он считает одним из наиболее значительных своих достижений то, что устраняются даже все случаи двойных написаний слов. Логическое ударение в возражении т. Андреева должно стоять на словах «крайне запутанное», а не на слове «единообразное». В крайней запутанности действительно проявляется классовая сущность орфографии. Но вместе с водой не следует выплескивать и ребенка.

Совершенно бездоказательна попытка т. Андреева подкрепить свое предложение ссылкой на устную речь, к которой никто не предъявляет требования безусловного единообразия не только по отношению к звукам, но отчасти и к грамматическим формам. Ведь акт узнавания написанных слов и понимания написанной речи резко отличен от акта узнавания и понимания устной речи. Аналогия между ними не имеет места уже хотя бы потому, что письменная речь не дает такой опоры для понимания, как ударения в словах, логические ударения в фразе и т. д. Нет никакого сомнения в том, что всякое отклонение (и орфографическое) от единообразия письма создает огромные затруднения для его понятности. Даже приведенные т. Андреевым, как самые безразличные для понимания, варианты начертаний на самом деле серьезно затруднят чтение: «помоему», «по моему». Второе начертание при беглом чтении будет осознаваться как «по моему» с ожиданием дальнейшего имени существительного, к которому должно быть отнесено это прилагательное, отделенное от своего предлога («по моему... распоряжению»); если же дальнейший контекст не поддержит такого понимания слова, то придется вновь перестроить уже апперципированную схему текста и осознать начертание как «по-моему». Требование единообразия не «фетишизм буквы», поддерживаемый стремлением сохранить «классовое отличие грамотного от безграмотного», а совершенно бесспорное указание на то, что в предложении т. Андреева отказаться от единообразного письма и допустить «известную свободу письма, п о с к о л ь к у о н а н е п о в р е д и т е г о п о н я т н о с т и», заключается внутреннее, но не диалектическое противоречие. Что касается конкретных предложений т. Андреева по «стандартизации» морфологических элементов языка (напр., установления начертаний: до́мы, учители, учителев, птицов, палков, бабов, предложениев» и т. д. «у этих избов нет крышов», вместо дома́, учителя, учителей, птиц, палок, баб, предло-

жений и т. д.), то надо сказать, что это относится к области грамматики и языка, а не орфографии.

Предложения т. М. В. Ушакова во многих отношениях близки к проекту т. Смирнова. Они требуют: 1) приближения к произношению всех не имеющих морфологической поддержки написаний и в корнях и в формальных частях слова, приближения настолько последовательно проведенного, чтобы однородные написания обязательно передавали одни и те же звуки, определялись ими. Именно: буква «а» передает безударный звук «а» и «ъ» (неполного образования) после твердых согласных, буква «и» передает безударный звук «и» и «ь» (неполного образования) после мягких согласных, глухие и звонкие согласные пишутся фонетически в середине слов и в конце слов. Следовательно: салома, малако, писок, билитристика, видить, смотрити, учитиль, граждани, вогзал, эгзамен, невтерпеш, берегоф; 2) унификации написаний однородных морфологических частей, не отступая даже перед явным нарушением фонетического начала. Следовательно: изкупить, взкрикнуть, росписание (при ро́спись), тучой (при свечой), пальцов (при чтецов) и т. д.

Основной недостаток проектов, требующих широкого применения фонетических написаний, тот, что они сами же в очень многих случаях особенно резко, гораздо более резко, чем проект Сектора науки, нарушают их. Последовательное приближение к произношению все равно не достигается: 1) близкие звуки попрежнему изображаются разными буквами: «писок», но «печенка»; «рибенок», но «рябой» и «реветь»; «в жару», но «в жиру»; «чиловек», но «часы»; «страна отцоф», но «отцов дом» и т. д.; 2) разные звуки попрежнему изображаются одними и теми же буквами, ибо вряд ли в словах: «мрамар, мусар, мажжевельник, пратакол, горад, чопарный и т. д.—подчеркнутые «а» будут изображать тот же звук, что и «а» в словах: сапог, салома. При общей тенденции к соответствию букв звукам тем затруднительнее станут насильственно унифицированные начертания: взкрикнуть, возпитатель, тучой, колдуней (последние прямо вразрез с основным предложением писать безударные «е» после мягких согласных через «и»).

Никогда не следует забывать, что конкретное применение унификации, проводимое в одном разрезе явлений, почти всегда связано с разрушением единообразия в другом разрезе, а упрощение, достигаемое в одном отношении, очень часто связано с усложнением орфографического факта в другом отношении. Предложение М. В. Ушакова ограничивается только установкой общей схемы теоретических требований, но он не дает конкретного материала, чтобы можно было судить, оправдается ли эта ломка значительным упрощением усвоения орфографии, или, наоборот, скорее весьма усложнит его, требуя от учащегося обостренного фонетического внимания, тончайшего морфологического анализа, богатого запаса слов и точного знания все-таки условных границ применения двух принципов в каждом конкретном случае.

Очень серьезные соображения не столько против пунктов, которые вошли в проект Сектора науки, сколько по поводу наиболее затруднительных требований орфографии, не нашедших, по мнению оппонента, упрощения в проекте, приводит т. Золотарев. На первом ме-

сте по числу допускаемых учащимися ошибок он ставит слитное и раздельное написание слов; далее, путаницу в употреблении «ъ» и «ь» в разделительном значении, затем употребление «не» и «ни», употребление падежей в словах женского рода. Надо сказать, что второй случай нашел в проекте радикальное разрешение. А остальные точно так же, как и еще многие трудные случаи правописания, приведенные т. Золотаревым, требующие срочной проработки (трудные слова с скоплением согласных, наличие звуков «щ» и «ч» в слове, слова иностранного происхождения, перестановка букв, пропуски букв учащимися и т. д.), относятся, по его же справедливому замечанию, не к вопросам орфографии, а к реформе и рационализации всего педагогического процесса обучения, развития слуха, речи, внимания к языку и т. д.

Уже было сказано, что наибольшее число отдельных возражений и новых предложений относились к проекту И. В. Устинова и к предварительному проекту комиссии при Секторе науки. Пункты, встретившие особенно единодушное отрицательное отношение со стороны многочисленных корреспондентов, не вошли в окончательный проект Сектора науки (окончания «кый», «гый», «хый», «ой» в им. мужск. рода для прилагательных, написания «чя», «чю», «щя», «щю», апостроф как разделительный знак); наоборот, вошло несколько новых, относительно которых были высказаны многочисленные пожелания (уничтожение «ь» в глагольных формах на «ться», возможное упрощение правил об удвоенных согласных и др.). Из предложений окончательного проекта вызывают возражения пункт об уничтожении удвоенных согласных в словах типа «маса», «коный» и пункт о личных окончаниях в глаголах.

Следует упомянуть еще о нескольких довольно часто встречающихся пожеланиях, не вошедших в окончательный проект:

1) все приставки писать фонетически (фход, оддать, потпереть);
2) приставку «с» писать фонетически (зделать, згореть);
3) оставлять одно «с» в словах типа «расказ»;
4) сочетание «сч» и «зч» изображать буквой «щ» (щет, щастье, извощик);
5) писать «шн» вместо «чн» (благополушно, скушно, звушно);
6) выбрасывать везде «ь» в середине счетных слов (пятдесят, шестсот);
7) писать везде «ь» в середине счетных слов (пятьнадцать);
8) писать «ь» в середине и в конце слова после «ч» и «щ» всегда, а также в сочетаниях типа ньч, ньщ (врачь, баньщик, ночька, точьный);
9) выбрасывать неслышные буквы в середине слов (чуство, серце, сонце, присуствие);
10) писать «ца» вместо «ться» и «тся» (купаца);
11) удалить чередующиеся гласные, не оправдываемые ударением (пловец, косаться, собераюсь, полагать, рости, зоря и др.);
12) ввести «е» с двумя точками;
13) выбросить букву «э»;
14) оставить «э» только в начале слов (этот, но: поет, поезия);
15) оставить попрежнему суффикс «ышко»;

16) ввести единообразие в суффиксах: инск (вм. енск), чик (вместо чек), ик (вместо ек), ичк (вместо ечк), инк (вместо енк);

17) писать наречия, состоящие из предлога и имени, раздельно если возможна самостоятельная форма существительного (с боку в верху, но: исстари, снаружи);

18) уничтожить большие буквы везде;

19) оставить большие буквы только после точки;

20) оставить перенос по слогам;

21) «не» и «ни» писать всегда отдельно, кроме случаев типа «ненавидеть»;

22) писать в предложном и дательном падежах женского рода всегда «е» (в партие, в Россие, в жизне, к матере);

23) писать в родительном множественного женского рода ей (колдуней);

24) отделительный знак «й» и иотированные гласные изображать при помощи j;

25) в словах, в которых нельзя морфологически оправдать написание безударных «о» и «е», писать «а» и «и» (тапор, салома, писок, билитристика).

Все эти предложения, кроме последнего, не вошли в проект Сектора науки. Мотивы, по которым они не могли быть приняты, изложены выше: они или нарушают морфологическое единообразие и недостаточно оправдываются фонетически, или слишком расходятся с фонетическим образом слова и не дают серьезного облегчения в правописании, или создают единство с одним рядом явлений, но нарушают единство с другим более существенным родственным явлением. Последнее же предложение вполне приемлемо для проекта, но относится скорее к вопросам словаря, а не правилам орфографии.

В некоторых проектах (особенно в проекте т. Полиновского и т. Хитрово) детально и глубоко разработан вопрос о буквенной передаче мягких согласных и иотированных гласных. Комиссия не сочла возможным вводит «j» и изображать мягкость согласных особыми значками, считая, что эти новые буквы и значки, теоретически вполне оправданные, внесут большие трудности при обучении письму. Необходимо упомянуть еще о нескольких весьма существенных и настойчивых пожеланиях:

1) ввести новую грамматическую терминологию взамен устаревшей, церковно-славянской (глагол, деепричастие и др.);

2) составить полный русский словарь и справочники орфоэпические и орфографические, так как «отличительная особенность существующих справочников та, что в них отсутствуют все наиболее сомнительные слова» (Викторовский).

Мы совершенно не дали обзора предложений по реформе пунктуации. Кроме проекта по пунктуации т. Смирнова, есть еще 8—10 коротеньких замечаний отдельных корреспондентов. Довольно единодушно предлагается отменить точку с запятой. Для более подробного сбора предложений по пунктуации у нас не было достаточно материала.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ЗАМЕНЕ "И" на "І".

Формулировано проф. М. И. Щелкуновым.

Буква «и» заменяется «і» во всех случаях. При письме разрешается употреблять і без точки.

Основания. В историческом споре между этими двумя обозначениями одного звука—за **і** всегда было преимущество во многих отношениях. При введении гражданского алфавита в 1708 году Петр I выкинул **и**, оставив только **і**. Через несколько лет **и** опять вкралось в алфавит; **і** печатали и писали только перед гласными. Тредьяковский в 1748 году, в своем капитальном «Разговоре об ортографии», снова выступил с предложением—удалить **и**, оставив только **і**. Затем Белинский в 1857 году писал в рецензии на книгу Кадинского о преобразовании орфографии: «Мысль—изгнать вовсе ненужную букву **и**, заменив ее русскою же, ничем не отличающеюся от нее буквою **і**, может вызвать против себя одну только привычку, больше ничего. Буква **и** нисколько не нужна, вовсе бесполезна (и совершенно излишня, также как **v** (ижица)».—«Буква **и** и некрасива и шире буквы **і**, больше ее занимает места».

В 1917 году, при реформе орфографии, Академия Наук оставила **и**, выбросив **і**, только по двум соображениям: что при письме нужно отрывать руку для постановки точки над **і** и что нужно заменить и букву **й**. Оба соображения несостоятельны. При письме в громадном большинстве случаев нет надобности ставить точку над **і**, а если ее и ставить, то можно это делать по окончании писания всего слова. Соображения насчет **й** совсем ненужные: для глухого **и** у нас есть не похожая на **и** буква **ы**, для мягкого **а** есть **я**, для смягченного звука **у** есть **ю**, почему же **й** должен быть обязательно похож на **и**? Кроме того, Академия не приняла во внимание многие выгоды замены **и** на **і**, которые ниже излагаются:

1. **И**—одна из наиболее употребляемых гласных в русском языке: **И** и **и** идут в количестве около 7% к общему числу букв. Замена **и** на **і** даст экономию в площади набора книг и журналов, следовательно, в расходовании бумаги, в прогоне машин, в почтовых расходах,—около 4%, так как **і** уже **и** вдвое, а в прописных некоторых шрифтов даже втрое. В переводе на деньги эта реформа даст издательской промышленности не менее трех миллионов рублей экономии в год.

2. При режиме экономии и новом стандарте бумаг, когда приходится переходить на более узкий столбец в газетах и журналах, на более узкие заголовки в табличных наборах и в газетных статьях, эта реформа даст известное облегчение издательствам и полиграфпромышленности.

3. В украинском, белорусском и тюркских языках—везде применяется **і**, что нисколько не затрудняет читающие массы; по крайней мере, таких жалоб мы не знаем.

4. В русском письме семь букв, имеющих одинаковые основные линии: и, й, н, п, ц, ш, щ; невозможно спутать и и й, ш и щ, но набор-

щики иногда путают при разборе и, н, п; эти буквы затрудняют и в чтении: **і** рельефнее выделяется в линии букв, чем **и**, не имеющее выступов. Напр.: пиши и піші, минимум и мінімум, Филипп и Філіпп, шипишь и шіпішь, пищиш и піщіш, шип и шіп.

5. Ни европейские народы, ни все наши народности, применяющие **і**, не испытывают затруднений при письме из-за необходимости ставить точки. Получается даже известная экономия: вместо двух основных линий буквы **и**—нужно писать одну, притом закругленную с обоих концов, в то время как при письме старого **и** приходится вторую основную линию буквы писать с неизбежной задержкой руки в начале этой линии.

6. Для полиграфии эта замена даст большую экономию, так как в шрифтах и в наборных машинах для набора в РСФСР на украинском и других языках не приходится делать запасного **і**, а в словолитном деле освободится бесполезно пропадающее сейчас большое количество гарта—около 4%, что по нашим подсчетам составляет 160 тонн металла, который приходится выписывать из-за границы.

7. В большинстве пишущих машин для русского языка матрица со строчным **і** до сих пор сохранилась, так как ее клавиша едина с клавишей для I (единицы), пишущейся в этом случае одинаково с I.

8. Переучивание на писание **і** вместо **и** настолько легко, что о нем не приходится говорить серьезно.

9. Расходы по переходу на **і** будут очень незначительны. Замена даже для тысячи наборных машин матриц с **і** составит при 20.000 матриц, считая по 15 коп. за матрицу—3.000 рублей, матриц в пишущих машинах, считая по 2 руб. за матрицу, на 10.000 новых машин—20.000 рублей; переливка шрифтов, считая 75.000 кг в среднем по 2 руб. за 1 кг—150.000 рублей.

Надо принять во внимание, что все эти цифры преувеличенные, так как **і** употреблялась у нас совсем недавно, имеется во многих типографиях в иностранных комплектах, лежащих часто без употребления, а I имеется в комплектах шрифтов, отпускаемых Полиграфтрестом (нужно только добавить известный процент), имеется и во всех наборных машинах и во всех пишущих машинах.

10. Срок для перехода на **і** нужно дать немедленный—там, где это позволяют технические условия, полугодовой—для пишущих машинок и наборных машин в случае, если в них нет соответствующих матриц, и максимум годовой—для тех шрифтов в типографиях, в которых не хватает **I** и **і**.

Другие предложения по составу русского алфавита (например, об унификации и упрощении рисунка прописных и строчных букв) находятся в стадии разработки и будут представлены на рассмотрение дополнительно.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 25 ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА РСФСР от 25 марта 1930 г.

Слушали: Доклад комиссии о реформе русской орфографии (тов. Луппол).

Постановили:

1) Признать установку, на основе которой проделана работа по реформе русской орфографии (сочетание фонетического принципа с морфологическим, максимальная экономия при обучении грамоте, полиграфический эффект, тенденции в развитии языка), правильной.

2) Поручить Главнауке основные предложения проекта новой орфографии опубликовать в центральной печати, а Госиздату издать соответствующую брошюру.

3) Поручить Главнауке созвать всероссийское совещание по реформе орфографии, с приглашением представителей Союзных республик, после чего вопрос снова поставить на заседание Коллегии НКП.

4) Поручить Главнауке предложить использование для опытной проверки проекта новой орфографии ряда заводских и стенных газет, а также использование корреспонденций рабкоров и стенкоров.

Ответственный секретарь Коллегии НКП **М. Алексинский.**

СОСТАВ КОМИССИИ СЕКТОРА НАУКИ НАРКОМПРОСА.

Председатель комиссии Сектора науки по реформе орфографии и пунктуации ученый секретарь Сектора науки Г. К. Костенко.

Состав орфографической подкомиссии:

1. Афанасьев П. О.— проф. 2 Моск. госуд. у-та и Акад. ком. воспитания.
2. Введенский Д. Н.—доцент Свердловского ком. университета.
3. Данилов Г. К.—ученый секретарь подсекции матер. лингвистики при Комакадемии, пред. кафедры языка в КУТВе и Смоленском у-те.
4. Ионин А. И.—преподаватель рабочих курсов.
5. Мамонов В. А.—препод. Комм. института журналистики.
6. Никольский Н. Н.—препод. Комм. института журналистики.
7. Палей И. Р.—препод. опытной школы ВЧКЛБ.
8. Петерсон М. Н.—проф. 2 Моск. гос. у-та.
9. Уаров М. И.—представитель ассоциации корректоров при Доме печати.
10. Ушаков Д. Н.—проф. 1 Моск. гос. у-та.
11. Устинов И. В. (предс. орфографической подкомиссии)—предс. предм. комиссии по русскому языку в КИЖе.
12. Шапошников И. Н.—методист.

Состав пунктуационной подкомиссии:

1. Абакумов С. И.—препод. рабфака им. Покровского.
2. Бархин К. Б. (председатель подкомиссии)—научный специалист Главпрофобра.
3. Каринский Н. М.—проф. 2 Моск. гос. у-та.
4. Кременский Н. П.—сотрудник ред. "За коммунистическое просвещение".
5. Остряков Н. П.—представитель ассоциации корректоров при Доме печати.
6. Павлов-Шишкин—препод. рабфака МИИТа.
7. Пешковский А. М.—проф. 2 Моск. гос. у-та.
8. Поздняков Н. С.—доцент 2 Моск. гос. у-та.
9. Сахаров В. И.—научн. сотрудн. Института методов школьной работы.
10. Шапиро А. Б.—доцент 2 Моск. гос. у-та.
11. Семеновский С. А.—ассоциация корректоров при Доме печати.

Состав подкомиссии по транскрипции иностранных слов и собственных слов и фамилий:

1. Брусиловский Л. Я.—Высший медиц. совет.
2. Киселев Н. П.—Книжная палата.
3. Никольский Н. Н.—препод. ГИЖа.
4. Павлов-Шишкин В. Д.—препод. рабфака.
5. Петерсон М. Н.—проф. 2 МГУ.
6. Пешковский А. М.—проф. 2 МГУ.
7. Рохлин Я. А.—сотрудник Мед. энциклопедии.
8. Сергиевский М. В.—проф. 2 МГУ.
9. Сухотин А. М.—научн. сотрудник РАНИОНа.
10. Устинов И. В.—председ. подкомиссии.
11. Щелкунов М. И.—проф. КИЖа.
12. Ярхо Б. И.—Акц. О-во "Советская Энциклопедия".

Ленкавель 17.

Рефер. Мин. с.-х. 24 г.

25 ГЛАВ